

**ЧЕРНАЯ КНИГА ИМЕН,
КОТОРЫМ НЕ МЕСТО
НА КАРТЕ РОССИИ**

ПОСЕВ

Коллектив авторов

**Черная книга имен, которым
не место на карте России**

«ПОСЕВ»

2005

Коллектив авторов

Черная книга имен, которым не место на карте России /
Коллектив авторов — «ПОСЕВ», 2005

ISBN 5-85824-155-7

«Черная книга» посвящена тем географическим названиям, которые сохраняют наследие коммунистической идеологии и пропаганды. Задача книги – показать подлинную роль, которую сыграли в истории запечатленные в советских названиях лица, события и явления, реальные и мифологизированные. Очищение городов и сел от этих названий необходимо для оздоровления идейной среды, в которой живет наше общество. Возвращение исторических названий, а также замена советских имен на названия, связанные с творцами непреходящих ценностей нашей культуры, науки и государственности, в том числе с деятелями антибольшевицкого сопротивления, поможет восстановить историческую преемственность нынешней России. Книга подготовлена по инициативе общественного комитета «Преемственность и возрождение России» при поддержке Объединения русских кадет за границей и Русского исследовательского фонда.

ISBN 5-85824-155-7

© Коллектив авторов, 2005
© ПОСЕВ, 2005

Содержание

Исправление названий	6
1. Названия, связанные с октябрьским переворотом и утверждением власти большевиков	9
Антонов-Овсеенко	10
Артем	12
Атарбеков	13
Бела Кун	15
Блюхер	16
Буденный	17
Вацетис	18
Войков	19
Володарский	21
Боровский	23
Ворошилов	24
Гайдар	26
Двадцать шесть бакинских комиссаров	28
Дзержинский	30
Дмитрий Ульянов	32
Дундич	33
Дыбенко	34
Землячка	36
Загорский	38
Инесса Арманд	39
Киквидзе	41
Кингисепп	43
Котовский	44
Красная армия	45
Красная гвардия	47
Крупская	49
Крыленко	51
Лазо	53
Ленин	54
Мария Ульянова	58
Матрос Железняк	59
Нариманов	60
Ногин	61
Октябрьская революция	62
Орджоникидзе	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Черная книга имен которым не место на карте России

Составитель С.В. Волков

«Черная книга» посвящена тем географическим названиям, которые сохраняют наследие коммунистической идеологии и пропаганды. Задача книги – показать подлинную роль, которую сыграли в истории запечатленные в советских названиях лица, события и явления, реальные и мифологизированные. Очищение городов и сел от этих названий необходимо для оздоровления идейной среды, в которой живет наше общество. Возвращение исторических названий, а также замена советских имен на названия, связанные с творцами непреходящих ценностей нашей культуры, науки и государственности, в том числе с деятелями антибольшевизмского сопротивления, поможет восстановить историческую преемственность нынешней России.

Снос памятника Дзержинскому в Москве в ночь с 21 на 22 августа 1991 г. Дело, начатое тогда народом, задержалось. Оно ждет своего завершения

В подготовке статей участвовали 17 авторов, в том числе С. С. Балмасов, С.В. Волков, Д.Е. Галковский, А.Б. Зубов, Г.В. Кокунько, Н.А. Кузнецов, Б. С. Пушкарев, Ю.С. Цурганов, С.В. Шешунова, а также ряд членов Московского купеческого общества.

Исправление названий

Для физического здоровья важно качество окружающей нас среды: чистый воздух, чистая вода, не зараженная ядами почва. Для душевного здоровья не менее важна окружающая нас символическая среда. К ней относятся названия улиц и других географических объектов (топонимика).

Названия эти нужны прежде всего для **ориентации**, для того, чтобы человек знал, где он. Если он потерян, заблудился – это нарушает его душевное равновесие, мешает ему жить и действовать. Если названия кругом французские, он видит, что он во Франции, если русские – в России, а если советские – то он вроде в СССР, которого давно нет. Это дезориентирует.

Названия не только ориентируют в пространстве, как то: угол улицы А и улицы Б. Они напоминают о событиях и людях, с которыми названия связаны. Топонимы бывают естественными и искусственными.

Естественные имеют древнее происхождение, отражают индивидуальные черты места, его колорит. Такие названия вызывают интерес к краеведению, желание узнать, кто до нас жил в этих местах, чьи мы наследники, кто мы. Бывают естественные названия чисто географические. Тверская улица в Москве, Московский проспект в Петербурге указывают на города, к которым они ведут.

Искусственные названия порой связаны с местами деятельности исторических фигур (в направлении нынешнего Кутузовского проспекта в Москве действительно шел Кутузов, на Чкаловской в Петербурге жил Чкалов). Чаще они географически произвольны и служат сохранению памяти о людях, составляющих славу нации: писателях, ученых, композиторах, полководцах и иных выдающихся деятелях. Запечатленные в названиях имена соединяют живых со своими великими предками, предлагают равняться на них, брать с них пример.

В советское время велась широкая кампания искусственных переименований в честь предтеч и деятелей большевицкой революции и международного коммунизма. Память о прошлом России надо было стереть, страну обезличить повторением одних и тех же стандартных названий. Они менялись в зависимости от того, кто в данный момент был в фаворе у правящей партии. Гатчина одно время носила название Троцк, Пермь – Молотов, Ижевск – Устинов, Рыбинск – Андропов, Набережные

Челны – Брежнев, было много названий в честь Сталина. Этого уже нет. Но сохранилось множество названий в честь Ленина, Дзержинского и других деятелей, которых почитали в течение всего правления КПСС.

Кто же они, эти деятели? Слава российской нации или ее позор? Пусть читатель решит, прочитав эту книгу.

Более двух тысяч лет назад Конфуций объяснял одному из китайских правителей, что необходимо начинать исправление дел в государстве с исправления имен: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться и народ не знает, как себя вести».

Очищение страны от коммунистических названий началось в 1991–1994 гг., но затем почти остановилось из-за официально объявленной политики «согласия и примирения». В результате путь к храму, где находится икона царственных мучеников, ведет со станции метро имени цареубийцы Войкова, на улицу Сергия Радонежского попадаешь со станции «Площадь Ильича», храм-памятник на месте убийства царской семьи в Екатеринбурге построен на улице Карла Либкнехта, Санкт-Петербург окружает Ленинградская область, а Екатеринбург – Свердловская.

Такой абсурд порождает нигилистическое отношение к прошлому страны, лишенное нравственных оценок. А продолжающееся присутствие советских имен питает прокомму-

нистические настроения, закрепляет их положение как некоей постоянной ценности. Оно формирует привыкание к ним у молодого поколения, которое начинает относиться к ним примирительно и или не сознает, в какой мере они противоречат его собственным убеждениям, или, наоборот, может вновь захотеть, как призывал Маяковский, «делать жизнь с товарища Дзержинского», или с Урицкого, или с Андропова.

Работа по стиранию с карты страны недостойных имен нужна и для сохранения памяти о подлинных героях России, ее строителях и защитниках, ее духовных вождях, борцах с тоталитарным режимом. Их пример, а не пример растлителей и разрушителей, должен вдохновлять будущие поколения.

В помощь тем, кто над этим работает, и написана «Черная книга». В ней дано 122 кратких очерка о лицах, понятиях и событиях, которые наиболее часто встречаются в оставшихся от советского времени наименованиях улиц, площадей, населенных пунктов. Их список составлен на основании данных по 50 крупным городам. В него не входят деятели местного значения и создатели советского режима, имена которых уже стерты с карт самими коммунистами (Троцкий, Сталин). Не входят туда и ученые, военные и иные деятели, прославленные в советское время (Вернадский, Королев), но к созданию коммунистического режима непосредственно не причастные.

Очерки в книге написаны в свободном стиле 17 разными авторами. Это не академическое исследование с подробным изложением послужных списков. Цель очерков – дать нравственную и политическую оценку деятельности описываемых фигур, определить их отношение к российскому государству. Сегодня, когда славословия «Российской державе» стали дежурными в устах представителей власти, важно показать, что описываемые персонажи либо способствовали разрушению России, либо не имели к ней никакого отношения.

Кого-то удивит, что в список лиц, чьи имена не следует сохранять в российской топонимике, вошли такие видные деятели отечественной культуры, как Герцен, Кропоткин, Плеханов или Горький и Маяковский. Но составители сборника стоят на государственной позиции. Первые трое своими революционными идеями помогали разрушать, а не строить российское государство. Последние двое в своих писаниях поощряли коммунистический террор.

Книга – не просто перечень биографий. Она стремится выявить суть большевизма как метода ведения политической борьбы, метода управления обществом и государством, прояснить суть коммунизма как политической идеологии. Мы адресуем ее не только единомышленникам, которым в общем известны приведенные здесь факты, но широким кругам граждан. А многие из них до сих пор считают, что коммунизм – это, в принципе, не так плохо, что заслуживают осуждения лишь его проявления, связанные с репрессиями, и некоторые деятели, слишком «перегнувшие палку».

Когда мы пишем, что Атарбеков рубил головы шашкой, это производит впечатление, а когда пишем, что Ногин уговорил профсоюз железнодорожников отменить забастовку против Ленина, – не производит. Поэтому важно помнить, что ответственность за последствия коммунистического эксперимента несут не только ярко выраженные преступники с садистскими наклонностями, но и те участники, которые лично никого не убивали. Это важно и потому, что в данной книге мы не можем охватить всех персонажей. За ее рамками остались «местно чтимые» деятели, но это не значит, что к ним нет претензий. И они несут ответственность за действия своих начальников.

Такой подход основан на положениях Устава Международного военного трибунала, созданного в Нюрнберге в 1946 г. для суда над военными преступниками. Соотнесение действий большевиков с выработанными впоследствии определениями ставит «героев» нашей книги в исторический контекст.

Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала относит к «преступлениям, влекущим за собой индивидуальную ответственность»: «убийства или истязания военнопленных [...]»

убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности»; [...] «убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам» [...]. «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана».

Против устранения советских топонимов есть два возражения:

1) **«Мы к этим названиям привыкли».** Но привычки бывают дурные и хорошие. Опыт центра Москвы, где в 1990–1994 гг. было восстановлено 150 исторических названий, свидетельствует, что к исправленным названиям быстро привыкли, и 10 лет спустя мало кто вспоминает советские.

2) **«Это часть нашей истории, мы не можем ее отменить».** Но для изложения полной картины истории есть учебники. Топонимы ее отражают выборочно. И рабство негров в Америке, и власть Гитлера в Германии – тоже часть истории, но никому в голову не приходит называть в их честь улицы или города. Вопрос в отборе достойных имен и событий, к чему и призывает книга.

Книга состоит из шести тематических разделов, по основным категориям лиц и явлений, встречающихся в современных наименованиях. Статьи внутри каждого раздела расположены в алфавитном порядке по наиболее распространенной форме имени, не обязательно по фамилии. Алфавитный указатель статей всех разделов и встречающихся в них лиц дан в конце книги.

1. Названия, связанные с октябрьским переворотом и утверждением власти большевиков

Видное место в топонимике современной России занимают имена лиц, которые непосредственно осуществили коммунистический переворот и помогли новой власти удержаться в годы гражданской войны. Набор этих имен весьма случаен. Среди них как действительно крупные большевистские деятели, так и разного рода «герои революции», часто полумифические, ставшие известными благодаря пропаганде сталинского времени, нуждавшейся в примерах для воспитания «строителей коммунизма». Обилие таких имен на карте объясняется и тем, что среди них немало лиц, умерших до конца 1920-х годов и не успевших попасть в число «врагов народа».

Антонов-Овсеенко

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (настоящая фамилия – Овсеенко, партийная кличка – Штык; 1883–1939) происходил из офицерской семьи. Закончив кадетский корпус, он поступил в Николаевское военно-инженерное училище, из которого был исключен за отказ принимать присягу. Поработав кучером, Овсеенко поступил в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище, где присягу все-таки принял. Однако верность ей молодой офицер сохранять не стал: во время русско-японской войны дезертировал из своей части и занялся подрывной работой. Неоднократно арестовывался, но всякий раз ему удавалось выйти сухим из воды.

Например, в июне 1905 г. он был арестован в Кронштадте под чужой фамилией, в октябре выпущен по амнистии, в апреле 1906 снова арестован в Москве, но бежал из полицейского участка. В июне арестован в Севастополе, при аресте оказал вооруженное сопротивление. Через год бежал вместе с двадцатью другими заключенными, после взрыва тюремной стены. Вел революционную пропаганду среди матросов царской яхты «Штандарт», организовал в Москве антиправительственный «Клуб разумных развлечений». Арестован на съезде фабричных врачей, но выпущен через три дня и т. д. Как один из организаторов военных мятежей в Польше и Севастополе он был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги, но бежал и жил с 1910 г. в эмиграции. В 1917 г. по амнистии Временного правительства вернулся в Россию, где быстро выдвинулся в первые ряды большевиков.

Наиболее ярко таланты Владимира Александровича проявились в октябрьские дни 1917 г. Он сыграл важную роль в большевицком перевороте, организовав захват Зимнего дворца. Именно он арестовал членов Временного правительства. Самого Антонова-Овсеенко 28 октября арестовали юнкера. Десятки юнкеров к тому времени были растерзаны на улицах его подручными. Однако он не только не был расстрелян, но на следующий день освобожден при посредничестве американского журналиста А. Вильямса.

Антонов-Овсеенко вошел в первое коммунистическое правительство – Совет народных комиссаров. С декабря 1917 г. он занимал крупные командные посты в Красной армии (командующий Особой группой войск Курского направления, командующий Советской армией Украины ит.д.). В сентябре 1918 – мае 1919 гг. был членом Реввоенсовета РСФСР. Его подчиненные широко применяли расстрелы заложников и массовые репрессии против «классовых врагов». В апреле 1919 г. Овсеенко назначили председателем Тамбовского губисполкома. Его бесчеловечная политика при проведении продразверстки довела крестьян губернии до отчаяния, и в августе 1920 г. они восстали. В 1921 г. Овсеенко стал председателем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с восстаниями. Вместе с Тухачевским он разработал меры по истреблению непокорных крестьян: семьи восставших (вплоть до грудных детей) брались в заложники и отправлялись в концлагеря; за укрытие повстанцев или их близких расстреливался старший в укрывшей семье; согласно особому приказу расстреливался всякий, кто отказался назвать свое имя. Число жертв красных карателей в Тамбовской губернии огромно даже на фоне уже привычных для советской власти репрессий.

В дальнейшем Антонов-Овсеенко был переведен на дипломатическую работу: в 1920-е годы служил советским полпредом в Чехословакии, Литве, Польше. С 1934 г. он прокурор РСФСР. В этой должности Овсеенко способствовал установлению практики вынесения приговоров «по пролетарской необходимости». Во время гражданской войны в Испании (1936–1937) занимал пост генерального консула в Барселоне: через этот город проходило большинство военных грузов из СССР для испанских коммунистических формирований.

Оттуда Овсеенко был отозван в Москву, арестован и расстрелян по обвинению в троцкизме. В 1956 г. он был реабилитирован.

Имя Антонова-Овсеенко носят улицы многих городов. В Москве такая улица имеется в Пресненской управе, в Петербурге – в Невском районе.

Артем

Настоящее имя – Федор Андреевич Сергеев (1883–1921), но никто из соратников его так не называл. Звали просто: «товарищ Артем». Даже в официальном списке состава ЦК РКП(б) на 1920 год, где все перечислены по фамилии с инициалами, он фигурирует как «т. Артем».

В 1901 г. Артем поступил в Московское высшее техническое училище, но уже с 1902 г. был «в рядах искровцев-большевиков» и стал профессиональным революционером. В декабре 1905 г. руководил вооруженным бунтом в Харькове, был арестован, бежал, но в Перми снова попал в тюрьму, из которой писал: «Камера большая, светлая. Пища неплохая, прогулка в день чуть не два часа, еженедельно баня, а что главное – я могу иметь здесь столько книг, сколько хочу».

Вскоре тов. Артем оказывается в Париже, где работает директором ресторана и учится в «Русской высшей вольной школе». Туда набирали по всей России полуинтеллигентов, давая им зубрить несложную грамоту «долой» и «да здравствует», а заодно и собственные вымышленные биографии («легенды»). В 1910 г. Артем становится портовым грузчиком в Австралии, где издает газету «Австралийское эхо» и постоянно судится с местными властями. После начала мировой войны пытается сорвать мобилизацию войск и выступает за заключение австрало-германского сепаратного мира.

После Февральской революции Артем вернулся в Россию и стал во главе большевистского комитета Харьковского совета. Еще до октября он возглавлял вооруженные отряды большевиков, а в 1918 г. стал главой так называемой Криворожско-Донецкой республики. Затем занял, среди прочих, должность всеукраинского народного комиссара агитации и пропаганды. Погиб товарищ Артем в авиационной катастрофе в Подмосковье, при испытании некоего «аэровагона».

Партийная кличка этого деятеля часто встречается в топонимике. В Приморском крае есть город Артем и поселок Артемовский. Города, носящие имя Артемовск, есть в Красноярском крае (бывший поселок Ольховский), в Донецкой (бывший город Бахмут) и в Луганской областях. В городах Луганск и Шахты именем Артема названы городские районы. В Свердловской и Иркутской областях есть поселки, носящие название Артемовский.

Атарбеков

Георгий Александрович Атарбеков (настоящая фамилия Атарбекян; 1892–1925) начал революционную деятельность в 1905 г. Во время русско-японской войны; он, как и другие революционеры, был сторонником поражения России. Активный участник беспорядков 1905–1907 гг. на Северном Кавказе и в Закавказье, где помогал грузинским «лесным братьям» и «красным стрелкам». С 1908 г. – член РСДРП(б). В 1911 г. исключен из Московского университета, где учился на юридическом факультете.

В начале I мировой войны его арестовывают в Тифлисе за пораженческую агитацию и пропаганду восстания горцев против России. Он бежит из-под ареста и скрывается в Эчмиадзине; продолжая призывать солдат и железнодорожных рабочих помочь поражению России, натравливал люмпен-пролетариат на имущие классы. В 1917–1918 гг. – член Сухумского подпольного комитета партии большевиков и Военно-революционного комитета. В начале 1918 г. Атарбеков организовал отряд Красной гвардии, с помощью которого большевики захватили власть в Сухуме и его окрестностях. После подавления этого восстания войсками Грузии подготовил и осуществил новое. В апреле-мае 1918 г. он был заместителем председателя Военно-революционного комитета Абхазии. После разгрома большевиков в Абхазии уехал в Майкоп, к Орджоникидзе (см. ниже).

В том же году Атарбеков стал заместителем председателя, а затем и председателем «Северо-Кавказской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией». Неудачно оборонял Майкоп от белогвардейцев, после чего обвинил в этой неудаче население Армавира, Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков, якобы устроивших контрреволюционный заговор. Непролетарское население названных городов было обречено на кровавую расправу. Атарбеков создал в этих городах чрезвычайные комиссии, которые еще до официального объявления красного террора без суда убили тысячи заложников – священников, офицеров и др. интеллигентов, (в том числе – известного болгарского добровольца русской армии генерала Радко-Дмитриева). Вот описание одного из свидетелей: «Палачи были неумелые и не могли убивать с одного взмаха. Каждого заложника ударяли раз по пять, а то и больше. Некоторые стонали, но большинство умирало молча... Вокруг могил стояли лужи крови. Кое-где лежали осколки человеческих костей. Ближайшие к месту казни кресты и надгробные памятники были обагрены кровью и обрызганы мозгом». Атарбеков не только руководил этими расправами, но и сам участвовал в них и любил хвастаться перед соратниками, как своей рукой зарубил того или иного генерала.

Далее он был назначен начальником Особого отдела 11-й армии, затем Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта. В этой должности Атарбеков проявил жестокость уже к самим красноармейцам. Если они проигрывали сражения или отказывались воевать за большевиков, к ним применялись децимации (расстрел определенного процента солдат). В феврале 1919 г. по инициативе Кирова Атарбеков возглавил ЧК в Астрахани, где «оказал неоценимую услугу революции подавлением мартовского восстания». Это подавление сопровождалось применением артиллерии против рабочих кварталов Астрахани и массовым террором. В мае-июне 1919 г. Атарбеков провел новую карательную операцию против жителей города. Он обвинил астраханских рыбаков в шпионаже и объявил их виновниками разгрома большевицкой Волжско-Каспийской флотилии под фортом Александровск. Атарбекова за его жестокость возненавидели красноармейцы и матросы и хотели ему отомстить. Они организовали на чекиста три покушения. Руководство ЧК в Москве тоже считало, что Атарбеков превысил свои полномочия, и отозвало его для разбирательства, но Дзержинский его оправдал.

Осенью 1919 г. палач Астрахани стал во главе подразделения Особого отдела ВЧК уже в Москве. Вместе с Тер-Петросяном (Камо) он руководил чекистскими операциями в тылу корпуса генерала К.К. Мамантова, разъезжал в поезде, созданном специально «для борьбы с диверсантами и шпионами в тылу Красной армии». Затем Атарбеков возглавлял Особый отдел и Ревтрибунал на Южном фронте, Особые отделы 9-й армии и Кавказского фронта. В должности уполномоченного ВЧК по Кубано-Черно-морской области и в Баку руководил массовыми расстрелами русских солдат и офицеров армии генерала Д.П. Драценко (май-сентябрь 1920 г., концлагерь на острове Норген под Баку).

С 1921 г. Атарбеков – полномочный представитель ВЧК в Армении и Азербайджане, председатель Ревкома Армении, где также руководил массовыми репрессиями. Затем – нарком почт и телеграфа Закавказья, член Президиума Закавказской партийной контрольной комиссии. Погиб в авиакатастрофе.

Даже на общем фоне палачей коммунистической эпохи имя Атарбекова одно из самых одиозных. Между тем оно сохраняется в городской символике России. Так, в Москве в Преображенской управе есть улица Атарбекова.

Бела Кун

Бела Кун (1886–1939) – венгерский коммунистический лидер. Родился в Трансильвании, в семье сельского писаря-еврея. В гимназии увлекся революционными идеями. С 1902 г. – член социал-демократической партии Венгрии. Поступил на юридический факультет Коложварского университета. За организацию беспорядков, которые привели к человеческим жертвам, был приговорен судом к тюремному заключению. После освобождения руководил крайне левым крылом социал-демократов горнодобывающего района Венгрии – Жильвельда.

В I мировую войну воевал против России в рядах австро-венгерской армии. В 1916 г. попал в плен и был отправлен в Томск, где вел революционную пропаганду. В том же году вступил в РСДРП(б). После Февральской революции работал в томском губернском комитете, в большевицкой печати. После Октябрьского переворота сформировал группу командиров из австро-венгерских пленных. Это была самая крупная из групп «интернационалистов-мадьяр», воевавших в Красной армии. Направлен большевиками в Петроград, где редактировал коммунистическую газету на венгерском языке, писал брошюры, призывающие венгров идти в Красную армию, организовал венгерскую партийную школу.

Бела Кун помогал большевикам удержать власть в Москве во время восстания левых эсеров в июле 1918 г.: отбил у восставших телеграф и захватил в плен нескольких членов их штаба. Потом работал в бюро ЦК партии большевиков на Украине. Осенью 1918 г. его откомандировали на Уральский фронт, а в конце того же года – в Венгрию, где он организовал коммунистическую партию. В марте 1919 г. эта партия захватила власть и объявила страну Венгерской советской республикой. Под руководством Куна было создано правительство, в котором он стал народным комиссаром по иностранным и военным делам. Фактически Кун руководил всей политикой нового государства, стал организатором захлестнувшего страну красного террора, который привел в ужас Европу. Террору положили конец армии Франции и Румынии, освободившие Венгрию от большевиков в августе 1919 г. Куну пришлось вернуться в советскую Россию.

В октябре 1920 г. он был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. После ухода войск Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма Бела Кун вместе с секретарем Крымского обкома Розалией Землячкой организовал на полуострове невиданный террор. Под их руководством без счета расстреливались солдаты и офицеры Русской армии, которые остались на родине, поверив в объявленную большевиками амнистию; беженцы из советской России, которые не захотели или не смогли эвакуироваться с белыми; местные представители деловой, интеллектуальной, культурной элиты; представители бывших привилегированных классов, включая стариков, женщин и детей. За 1921–1922 гг. в Крыму было уничтожено, по разным источникам, от 50 до 75 тысяч человек или более. Так венгерский коммунист выполнил приказ Кремля: «Вымести Крым железной метлой».

С 1921 г. Бела Кун работал в Исполкоме и Президиуме Коминтерна, был инициатором ряда попыток «экспорта революции». Одной из таких попыток (Германия, 1921) он руководил лично. В мае 1921 – апреле 1923 гг. занимал высокие посты на Урале, затем участвовал в создании Российского коммунистического союза молодежи (Комсомола). В 1936–1938 гг. входил в состав коммунистического руководства Испании, участвовал в создании там аппарата коммунистических спецслужб, повинных в гибели тысяч испанцев. Бела Кун был репрессирован в 1939 г., после смерти Сталина реабилитирован.

Имя международного палача Белы Куна красуется на мемориальных досках. Площадь его имени есть в Москве, в Гольяново, улица Белы Куна – в Петербурге.

Блюхер

Василий Константинович Блюхер (1890–1938) происходил из крестьян Ярославской губернии. Необычная для русского крестьянина фамилия досталась ему от клички деда или прадеда. В 1904 г. Блюхер устроился работать на столичный завод, откуда был уволен за революционную деятельность. В 1905–1907 гг. участвовал в баррикадных боях. В 1910–1913 гг. отбывал тюремное заключение за призыв к забастовке. Участвовал в I мировой войне рядовым, затем младшим унтер-офицером, был награжден за храбрость. После ранения уволен из армии, работал слесарем в Сормово и Казани. Вступил в партию большевиков и вел среди рабочих пораженческую агитацию.

В ноябре 1917 г. Блюхер вошел в Самарский военно-революционный комитет, помогал устанавливать советскую власть в Самарской губернии (создавал с этой целью вооруженные отряды). Вскоре был направлен комиссаром красногвардейского отряда в Челябинск, где его избрали председателем ревкома, а в марте 1918 г. председателем совета. Подавлял восстания оренбургских казаков (конец 1917 – начало 1918 гг.), участвовал в геноциде казачества. За операции созданной им Южно-Уральской партизанской армии против казаков (июль-сентябрь 1918 г.) он первым из большевиков получил орден Красного знамени. Из партизанского отряда Блюхер сформировал 30-ю стрелковую дивизию, которая вошла в 3-ю армию. При дивизии он создал карательные интернациональные части, в т. ч. батальон из немцев и венгров. В случаях военных неудач или проявлений недовольства в своих войсках применял процентные расстрелы бойцов.

В 1919–1920 гг. Блюхер занимал высокие посты в Красной армии, воевал в Сибири против верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и на Южном фронте против генерала П.Н. Врангеля. Участвовал в боях под Каховкой и штурме Перекопа. В 1921–1922 гг. руководил военным ведомством, был главнокомандующим и членом Военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной народной республики. Проводил репрессии против амурского и уссурийского казачества. Возглавлял советские войска в боях под Волочаевкой и Спасском, обеспечивших красным власть над Приморьем.

Осенью 1924 г. был направлен в Китай, где действовал под псевдонимом «генерал Галин». До 1927 г. был главным военным советником при китайском революционном правительстве Чан Кайши. В 1929 г. командовал особой Дальневосточной армией, которая вторглась на территорию Китая, фактически совершив акт международной агрессии, который Блюхер назвал «упреждающим ударом». Во время этой операции подчиненные ему войска учинили страшный погром в Трехречье – на китайской территории, где проживали, занимаясь сельским трудом, бежавшие от большевиков дальневосточные казаки. Под руководством Блюхера этих русских поселенцев поголовно истребили.

В 1937 г. Блюхер был причастен к расправе над группой Тухачевского, но в 1938 г. расстрелян сам, реабилитирован при Хрущеве. В Петербурге есть проспект Маршала Блюхера.

Буденный

Семен Михайлович Буденный (1883–1973) родился на Дону, происходил из «иногородних». Вахмистр Буденный, полный георгиевский кавалер, храбрый, но недалекий рубака, в 1917 г. примкнул к красным. Он не был лишен честолюбия, думал о карьере: «Я решил, что лучше быть маршалом в Красной армии, чем офицером в белой». В 1919 г.

Буденный вступил в партию большевиков. В годы гражданской войны командовал 1-й конной армией – ударной силой большевиков. Один из буденновцев, И. Бабель, описал нравы своих однополчан в книге «Конармия» (1925). В ней разбой, грабеж, насилие над мирными жителями предстают как привычная повседневность. В боях Буденный ценил прежде всего личную преданность себе. Отношения в армии строились по образцу разбойничьей банды, в которой будущий маршал был атаманом. Своей жестокостью войска Буденного удивили даже Сталина, а Ленин не раз был крайне обеспокоен повальным пьянством и разложением в «легендарной» 1-й конной.

Гражданским мужеством Буденный не отличался. В бою с корпусом генерала А. А. Павлова он, вопреки приказу, не прикрыл с флангов дивизии Гая и Азина, и они погибли, не дождавшись помощи. А обвинение пало на Думенко, которого арестовали и отдали под трибунал. В командарме 2-й конной армии – Филиппе Миронове он видел конкурента и сделал все, чтобы убрать его. Позже Буденный проголосовал за вынесение смертного приговора своему бывшему командиру Егорову. Когда в 1937 г. была арестована вторая жена Буденного (которую он привел в дом на второй день после гибели первой жены), Семен Михайлович не стал помогать даже ей. В 1939 г. ее приговорили к 8 годам лагерей. К тому времени она уже стала душевнобольной от пыток.

В 1923 г. Буденному довелось стать «крестным отцом» Чеченской автономной области: надев шапку бухарского эмира, с красной лентой через плечо он приехал в Урус-Мартан и по декрету ВЦИКа объявил Чечню автономной областью.

В 1930–1940 гг. Буденный стал одним из организаторов массовых репрессий среди военных. В 1937 г. именно он обвинил Тухачевского и других военачальников в государственной измене, предварительно согласовав свое выступление со Сталиным. Как и Ворошилов, Буденный активно поддерживал Сталина во всех его злодеяниях. Буденный и Ворошилов сблизились неслучайно. Их объединяло то, что оба они были малограмотны и не могли простить военспецам их превосходства в уме и образовании.

К 1941 г. в действующей армии было множество командиров – выдвиженцев Ворошилова и Буденного, их приятелей по 1-й конной, и это сказалось на ходе военных действий. Героем II мировой войны Буденный не стал; назначенный было командовать войсками Юго-Западного направления, он скандально провалился, загубив десятки тысяч жизней, и был быстро отставлен. Других за подобное расстреливали, но «живую легенду» спасли «революционные заслуги». После войны его как большого любителя лошадей назначили заместителем министра сельского хозяйства.

В Ставропольском крае старинный город Святой Крест носит имя этого красного командира. В Ростовской области его именем названа станица на Маныче. В городе Донецке один из районов – Буденновский, а в Москве, на Соколиной Горе проходит проспект Маршала Буденного. Проспекты и улицы, названные его именем, есть и во многих других городах.

Вацетис

В известный период в Советском Союзе появилась формулировка: «Имярек не понял революции». И наоборот, в среде дореволюционной интеллигенции выискивались люди, которые революцию «поняли» и сознательно пошли на сотрудничество с властью. К их числу относится полковник Генерального штаба Иоаким Иоакимович Вацетис (1873–1938). Он родился в Латвии в семье батрака, что не помешало ему войти в элиту армии. В советское время утверждалось, что из-за своего скромного происхождения он по окончании академии не сразу был зачислен по Генеральному штабу. Но причина была иной: он по успехам окончил ее последним в выпуске.

В октябре 1917 г. Вацетис перешел на сторону большевиков и вскоре стал у них начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба, а с весны 1918 г. возглавил только что созданную Латышскую стрелковую дивизию. Это соединение отличалось безусловной преданностью большевикам. Дивизия Вацетиса специализировалась на карательных акциях, ее направляли туда, где власть коммунистов оказывалась под угрозой. Например, она подавляла восстание левых эсеров в Москве в 1918 г. Летом 1918 г. Вацетис стал командующим Восточным фронтом, который был создан из отдельных отрядов самим Вацетисом и другими членами Реввоенсовета. С сентября 1918 г. в течение 10 месяцев он командовал всеми вооруженными силами РСФСР: формировал армии, создавал штабы и заботился о неусыпном контроле комиссаров над красноармейцами.

Свою карьеру он закончил в 1937 г. командармом 2 ранга, когда был арестован. То есть в известный момент Вацетис уроднился большевицкому режиму и из наемника или даже заложника стал своим. Что же побудило его стать «советским»? Любопытно посмотреть, как он сам себя «позиционировал». Свою автобиографию Вацетис начинает с того, что он никакой не Вацетис. Эту фамилию его деду дал местный помещик ради насмешки. По-латышски «вацетис» означает немец, и чтобы семейство «невацетисов» унижить, немецкий феодал в начале XIX века перекрестил их в «вацетисов». Не вынеся издевательства, дедушка сошел с ума: «Он при жизни сделал себе гроб, в котором часто отдыхал».

Сам Вацетис политикой не занимался и до 1917 г. ничем не отличался от сослуживцев. Только был у него в роду дедушка с гробом. И когда произошел культурный надлом, первобытное вышло наружу.

И после ареста Вацетис выражал преданность Сталину, очевидно, чтобы облегчить свою участь. В своих показаниях Вацетис назвал более 20 человек участниками «фашистской шпионско-террористической латышской организации»; все они были арестованы. Это не спасло Вацетиса. В 1938 г. он был расстрелян, после смерти Сталина реабилитирован.

Войков

Петр Лазаревич Войков (партийные клички – Петрусь, Интеллигент, Белокурый; 1888–1927) родился в Керчи. В гимназии увлекся политикой, входил в социал-демократические кружки, распространял нелегальную литературу. Был исключен из гимназии за антиправительственное выступление на митинге. В 1903 г. Войков вступил в РСДРП, примкнув сначала к меньшевикам. Родителям, не раз просившим сына не позорить их, пришлось сменить место жительства и работу. После того как в годы русско-японской войны он активно продолжил антигосударственную деятельность, терпение родителей иссякло, и Войков был выгнан из дома. Несколько месяцев он жил, перебиваясь случайными заработками, а летом 1906 г. вступил в боевую дружину РСДРП, участвовал в перевозке бомб и покушении на генерала Думбадзе. Едва избежав ареста, Войков скрылся за границу. С марта 1908 г. до февральских событий 1917 г. он жил в Швейцарии, где сблизился с Лениным и другими большевиками. В мае 1917 г. он вместе с видными деятелями большевистской партии в «запломбированном вагоне» выехал через Германию в Петроград.

Во Временном правительстве Войков стал комиссаром министерства труда и отвечал за разрешение конфликтов между рабочими и предпринимателями. В то время рабочие под влиянием революционной пропаганды стали захватывать предприятия. Не считаясь с действующими законами,

Войков неизменно выступал против предпринимателей. После июльских беспорядков 1917 г. он был направлен своим министерством в Екатеринбург. В августе 1917 г. он окончательно перешел на большевистские позиции и быстро сделал партийную карьеру. Призывал местных рабочих «отринуть иллюзии о возможности перемирия с буржуазией» и захватывать предприятия. Оставаясь официальным представителем Временного правительства на Урале, он убеждал рабочих в том, что пославшее его правительство «антинародно». Осенью 1917 г. работал секретарем в областном бюро профсоюзов, затем – в городской думе Екатеринбурга, где большевистское большинство выбрало его председателем.

После октябрьского переворота Войков вошел в местный военно-революционный комитет, который обратился ко всем советам Урала с призывом «брать власть на местах в свои руки, сменять представителей старой администрации и всякое сопротивление подавлять оружием». В должности областного комиссара продовольствия Войков установил такие цены на продукты питания и топливо, что частная торговля на Урале стала невозможной. Это, в свою очередь, привело к товарному дефициту и серьезному понижению уровня жизни. В ходе проводимой Войковым национализации уральской промышленности прежние владельцы предприятий были репрессированы. Жесткие меры применялись и к крестьянам, которые отказывались выполнять непосильные поставки. Даже советские историки признавали, что с приходом Войкова перестали работать многие заводы, отапливаться школы и больницы, исчез с прилавков хлеб. В знак протеста против действий Войкова учителя Екатеринбурга устроили забастовку.

В 1918 г. Войков сыграл одну из ключевых ролей в расправе над Императорской семьей. Он входил в комиссию, созданную для перемещения Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, лично подыскал дом, где она содержалась под стражей. Именно по приказу Войкова свобода семьи была резко ограничена: сокращено время прогулок, изъяты газеты. Войков был одним из самых влиятельных лиц в Уралсовете, одоббившим решение Ленина и Свердлова о бессудном убийстве, и потому разделяет ответственность за это преступление.

С 1920 г. Войков был переведен на дипломатическую работу: стал членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли, возглавил таможенное управление. На этой работе он принял живейшее участие в расхищении большевиками культурного достояния

России. Под его руководством огромное количество предметов культуры было за бесценок продано за границу ради получения валюты для «экспорта революции».

В 1921 г. Войков возглавил советскую делегацию, которая должна была согласовать с Польшей выполнение Рижского договора 1920 г. Стремясь установить дипломатические отношения любой ценой, он передавал полякам русские архивы, библиотеки, предметы искусства и материальные ценности. Организуя грабеж страны, Петр Лазаревич старался самому себе ни в чем не отказывать.

В октябре 1924 г. Войков полномочным представителем СССР выехал в Польшу. В 1927 г. Борис Ковер да застрелил его в Варшаве как одного из царевубийц. Имя Войкова носит в Москве улица (Головинская управа), шесть проездов, станция метро и даже административный район. В Донецкой области Украины именем Войкова назван поселок. Улица Войкова есть и в Петродворце.

Володарский

Володарский (настоящие имя и фамилия – Моисей Маркович Гольдштейн; 1891–1918) родился на Украине, в семье бедного ремесленника. Свои политические пристрастия обнаружил рано. Поступив в 5-й класс гимназии в Дубно, уже через год был исключен оттуда за политическую неблагонадежность. Революционную деятельность начал в 1905 г. в «Малом Бунде», а продолжил в организации украинских социал-демократов. Во время событий 1905–1907 гг. составлял и печатал нелегальные воззвания, организовывал митинги. В 1908 г. попал в тюрьму, но быстро освободился. С 1908 по 1911 г. работал революционным агитатором в Волынской и Подольской губерниях. В 1911 г. был арестован и сослан в Архангельскую губернию, но в 1913 г. по амнистии вернулся на Украину.

В том же году эмигрировал в США, где вступил в Американскую социалистическую партию и в Интернациональный профсоюз портных (он был закройщиком на швейной фабрике в Филадельфии). Затем переехал в Нью-Йорк, где продолжал вести социалистическую пропаганду. Вместе с Троцким и Бухариным издавал во время I мировой войны газету «Новый мир».

После февральских событий 1917 г. вернулся в Россию, примкнул к большевикам и быстро выдвинулся в число руководителей. Начал работу районным агитатором, затем стал главным пропагандистом в Петроградском партийном комитете. Вошел в президиум Петроградского совета и Петроградской городской думы. Однако думскими делами Моисей Маркович себя не утруждал, целиком отдавшись борьбе против Временного правительства. Участвовал в подготовке и проведении октябрьского переворота, агитацией способствовал формированию отрядов Красной гвардии. После переворота избран в Президиум ВЦИК.

Володарский стал комиссаром Союза северных коммун по делам печати, пропаганды и агитации, а также одним из главных организаторов большевистских митингов в Петрограде, на которых призывал беспощадно бороться против врагов революции путем террора. В начале 1918 г. командирован ЦК на съезд армий Румынского фронта для агитации среди военных. Создатель и редактор одного из главных партийных органов печати – «Красной газеты». Благодаря доступности для понимания малообразованных людей она вербовала сторонников большевиков успешнее, чем «Правда». В должности главного советского цензора Володарский был инициатором разгрома не только тех печатных изданий, которые критиковали большевиков, но и тех, которые пытались стоять в стороне. По словам Луначарского, «он был... беспощаден... В нем было что-то от Марата... Он был весь пронизан не только грозой Октября, но и пришедшими уже после его смерти грозами взрывов красного террора. Этого скрывать мы не будем. Володарский был террорист. Он был до глубины души убежден, что если мы промедлим со стальными ударами на голову контрреволюционной гидры, она не только пожрет нас, но вместе с нами и проснувшиеся в Октябре мировые надежды».

Моисей Маркович, несомненно, имел огромные заслуги в деле пропаганды богоборческих идей, насилия и ненависти. Однако его публичные выступления удавались не всегда. На Обуховском заводе рабочие были настроены антибольшевицки и освистали его.

В июне 1918 г. по дороге на очередной митинг Володарский был убит эсером Сергеевым за дискредитацию социалистических идей. Похоронен на Марсовом поле. Его убийство стало предлогом для репрессий по всей России. Ненависть к Володарскому была в Петрограде так сильна, что первый памятник ему, установленный у Зимнего дворца, в 1919 г. был взорван.

Однако имя его все еще носит город в Нижегородской области, поселки в Астраханской, Луганской и Киевской областях (Володарка), в Житомирской (Володарск-Волынский)

и Донецкой областях. В Брянске есть Володарский район. В Колпино и Сестрорецке под Петербургом есть улицы Володарского.

Боровский

Вацлав Вацлавович Боровский (партийные клички – Юрий Адамович, Орловский, Фавк, Шварц, Шахов; 1871–1923) родился в Москве, в польской дворянской семье, участвовавшей в Польском восстании 1863–1864 гг. Образование получил в средней школе при лютеранской церкви. Во время учебы заинтересовался историей польской борьбы за независимость от России, так что как польский националист он сформировался уже в детстве. В школе писал антиправительственные стихи, выступал с речами на нелегальных собраниях учащихся. В 1890 г. поступил в университет на физико-математический факультет, через год перешел в Московское техническое училище. Организовал польский подпольный студенческий кружок и стал активным участником общестуденческого движения, пытаясь его радикализировать. Создавал «всеобщие революционные кружки» из представителей различных национальностей, доставал для них нелегальную литературу.

Познакомившись с революционно настроенными рабочими в 1895 г., Боровский создал первые рабочие кружки, через которые распространял революционную литературу. В 1897 г. был арестован и выслан в Вятскую губернию. Во время ссылки углубился в изучение марксизма. В 1902 г. уехал за границу; в Женеве присоединился к большевикам и стал сотрудником их газеты «Искра». Боровский также редактировал большевистские журналы «Вперед» и «Пролетарий». В 1903 г. тайно прибыл в Одессу для подпольной работы. Был связным между большевиками и польскими левыми. В 1914 г., вернувшись из ссылки в Петроград, агитировал за поражение России в I мировой войне. В 1915 г. переехал в Стокгольм. После февральских событий 1917 г. вошел в Заграничное бюро ЦК партии большевиков, а после октябрьского переворота назначен ими полпредом в странах Скандинавии. В 1918 г. – председатель делегации советского правительства по переговорам с Финляндией.

В 1919 г. Боровский вернулся в Россию, где стал одним из главных инициаторов гонений на Православную Церковь. В его замысел входило искусственное разжигание внутрицерковных конфликтов, которые могли стать предлогом для ограбления Церкви и насильственного утверждения богоборческой идеологии. В речи «Послание патриарха Тихона к архипастырям и пастырям Церкви Российской» Боровский объявил Церковь «одним из инструментов страдания народа». Он разделяет ответственность за массовые репрессии против духовенства.

Боровский был также участником I конгресса Коминтерна – подрывной организации, виновной в многочисленных убийствах и государственных переворотах. В 1920 г. Боровский был поставлен заведовать Госиздатом, а в следующем году был направлен полпредом в Рим. В 1923 г. он без приглашения приехал на конференцию в Лозанне, где был убит русским офицером-эмигрантом М. Конради. Писатель Иван Шмелев, живший тогда в Париже, и другие деятели эмиграции, сознавая «громадное общечеловеческое и политическое значение процесса об убийстве советского представителя Воровского», передали адвокату Т. Оберу материалы о масштабах террора большевиков. Историк С.И. Мельгунов подготовил к процессу книгу «Красный террор в России». Суд нейтральной Швейцарии оправдал Конради.

Боровский был с помпой погребен на Красной площади, и до сих пор в Владимирской и Московской областях есть поселки имени этого большевика и польского националиста. Площадь в центре Москвы на месте снесенного храма на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки носит имя Воровского и на ней стоит памятник ему. В Москве же, в Косино-Ухтомском есть проезд Воровского, а по большим и малым городам России улиц и площадей в его честь названо великое множество.

Ворошилов

Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) родился в Екатеринославской губернии. В молодости работал на шахте, где и вступил в большевицкую партию. В 1905 году Ворошилов возглавил в Луганске не только городской большевицкий комитет, но и совет рабочих депутатов. Он лично руководил организацией беспорядков в этом важном промышленном регионе. Однажды жандармы задержали его, но разъяренная толпа, угрожая погромами, отбила своего главаря.

После этого Ворошилов покидает родные края и перебирается в Санкт-Петербург, где знакомится с Ульяновым, Джугашвили, Калининным и другими большевиками. Одно время ездит по Скандинавии – участвует в Стокгольмском съезде РСДРП, нелегально переправляет оружие в Донбасс. Затем на съезде в Лондоне Ворошилов расширяет круг своих знакомств среди будущих вершителей судеб России.

По возвращении в Россию его арестовывают и отправляют в ссылку в Архангельскую губернию, откуда Ворошилов благополучно бежит в Баку, где занимается «экспроприациями» вместе со Сталиным. В результате Ворошилову пришлось сменить много тюрем и дальних поселений, но потом он попал под амнистию в честь 300-летия Дома Романовых. Уехал в Царицын и устроился там на оборонный завод. Вскоре началась мировая война. Многие большевики не уклонялись от мобилизации, собираясь разлагать армию изнутри. Ворошилов же решил с семьей податься в бега. Через некоторое время он всплыл в предместьях Петрограда на маленьком частном заводике и установил связь с местными нелегалами.

В февральские дни 1917 г. Ворошилов в гуще солдат запасных полков и дезертиров, заполонивших столицу. Они с радостью избирают «откосившего» депутатом Петроградского совета. Но партия решает иначе: человек, который не служил в армии, не может быть депутатом от солдат, шахтеру место в Луганске. И правда, там его встретили с радостью.

После октябрьского переворота Ворошилов снова в Петрограде – как делегат Учредительного собрания. Но работает в ЧК, ЦК, Совнарком, «ликвидирует» градоначальство столицы. Тем временем на Украине немецкие войска продвигаются на восток, угрожая Донбассу. Ворошилова отправляют сколачивать отряды Красной гвардии, а из них 5-ю украинскую армию, которая отступает в Россию, громя по дороге казацкие станицы. Прибыв в Царицын, остатки ворошиловского воинства слились с себе подобными. Там уже «фуражировал» Сталин, отбирая последнюю еду у крестьян юга. Сколотив новую армию, напомиравшую вооруженную толпу, Ворошилов вместе с Щаденко, Думенко и Буденным вели полупартизанскую борьбу с войсками Белой армии, бесславно уложив в русскую землю 60 тысяч своих соратников.

Ворошилов успел побывать за гражданскую войну и комиссаром НКВД Украины, и лидером «военной оппозиции», и членом Реввоенсовета республики. Отличился и в кронштадских расправах 1921 г. В 1924 г. он оказался в числе инициаторов постройки мавзолея Ленина. «Мавзолей должен быть импозантным зрелищем, центром притяжения всех глаз», – постановила «тройка» с участием Ворошилова. Затем мутная волна вынесла «нестроевого» Ворошилова в командующие округами, и даже в заместители военного наркома, а потом и в наркомы. Ворошилов легко отправлял подчиненных на смерть, санкционируя их аресты. Особый военный талант Ворошилова раскрылся во время финской кампании. Полумиллионная армия под его командованием завязла на финских оборонительных линиях. Сталин был вынужден снять шахтера с военной должности, но, сохраняя лицо символу строя, назначил зампредом совнаркома.

Несмотря на бравурные марши – «С нами Сталин родной / и надежной рукой / нас к победам ведет Ворошилов», его возвращение на военную должность и руководство Северо-

Западным направлением в 1941 г. закончилось катастрофически – блокадой Ленинграда. Но опять Сталин его пощадил. Ворошилову поручали то формировать резервы, то возглавлять партизан, то комитет по трофеям, то вести переговоры с союзниками.

Дав ему принять вместе с собой парад победы, Сталин после войны вовсе отодвинул Ворошилова от обороны и бросил на культуру. Немало наломали они дров вместе с таким же «другом культуры» Ждановым. В 1945–1947 гг. Ворошилов был председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии и способствовал установлению там коммунистического режима.

После смерти Сталина Ворошилов был избран «почетным президентом» – председателем Президиума Верховного Совета СССР. Но и на этой безобидной должности Ворошилову не повезло. «Ворошиловская» амнистия в марте 1953 г. коснулась прежде всего уголовников, и по стране прокатилась волна преступности. Как активный участник репрессий 1930-х годов, Ворошилов пытался помешать Хрущеву осудить действия Сталина на XX съезде КПСС. С падением Хрущева Брежнев вернул Ворошилова в политику в качестве «живой легенды», а потом с почестями похоронил у Кремлевской стены. Улица Ворошилова есть в Петербурге, Луганск в течение многих лет назывался Ворошиловградом.

Гайдар

Аркадий Петрович Гайдар (настоящая фамилия – Голиков; 1904–1941) был сыном учителя из крестьян и дворянки. Его родители участвовали в революционных беспорядках 1905 г. и, опасаясь ареста, уехали в провинциальный Арзамас. Там будущий детский писатель учился в реальном училище и впервые опубликовал свои стихи в местной газете «Молот».

В 1919 г. он вступил в Красную армию и в РКП(б), стал помощником командира отряда красных партизан, действовавших в районе Арзамаса. Скрыв свой возраст, учился на командных курсах в Москве и Киеве, затем командовал ротой красных курсантов. Воевал на Польском и Кавказском фронте. В 1921 г. как командир запасного Воронежского полка отправлял маршевые роты на подавление Кронштадтского восстания. Летом того же года, командуя 58-м отдельным полком, участвовал в подавлении

Тамбовского крестьянского восстания. Столь высокое для семнадцатилетнего возраста назначение сам Голиков объяснял тем, что «много из высшего комсостава арестовано за связь с бандами», т. е. с повстанцами.

После уничтожения непокорных крестьян Гайдар продолжил службу в карательных частях особого назначения (ЧОН) – сначала в Тамьян-Катайском районе в Башкирии, затем в Хакасии. Здесь в зоне его ответственности оказался 2-й «боерайон», включающий в себя шесть нынешних районов на юге Красноярского края. Ему было приказано уничтожить отряд «императора тайги» И.Н. Соловьева, состоявший из местных крестьян и колчаковских офицеров. Не сумев справиться с этой задачей, Гайдар обрушился на местное население, не поддерживавшее большевиков. Людей без суда и следствия расстреливали, рубили пашками, бросали в колодцы, не щадя ни стариков, ни детей. Основным объектом кровавой охоты молодого комиссара становились хакасы. В одном из хакасских сел, по рассказам местных жителей, он лично убил выстрелами в затылок более ста человек, выстроенных у края обрыва. В другом селе, взяв заложников, посадил их в баню, угрожая, что расстреляет всех, если они утром не скажут, «где скрываются бандиты». И сам наутро исполнил эту угрозу: снова выстрелами в затылок. Для выслеживания неуловимого Соловьева Гайдар вербовал агентов из местного населения, расплачиваясь за информацию дефицитной мануфактурой. Местные советские руководители постоянно жаловались на Гайдара. Например, в письме волостного исполкома, посланном с нарочным из села Курбатова в Ачинск, говорится: «Прибывший отряд сразу пустил в ход плети, которые, по нашим мыслям, должны существовать в области преданий... а не проявляться теперь при Советской власти».

Конец бесчинствам Гайдара пришел лишь после того, как он, несмотря на приказ начальства доставить пленных в штаб для допроса, лично расстрелял их, не желая выделять людей для конвоя. Командующий ЧОНОм губернии В. Какоулин был вынужден признать: «Голиков по идеологии неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь служебным положением, целый ряд преступлений». Гайдар был вызван в Красноярск для объяснения; его исключили из партии, сняли с должности и направили на психиатрическое освидетельствование. Консилиум нашел «истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности» (из письма Гайдара сестре Наташе 17 января 1923 г.). Пройдя курсы лечения в Красноярске, Томске и Москве, Гайдар отправляется сначала в полугодовой, а затем – в бессрочный отпуск «с сохранением содержания».

В 1925 г. он написал свою первую повесть «В дни поражений и побед». Редактор посоветовал молодому автору начать мирную жизнь, и он уехал работать корреспондентом сначала в Донбасс, а потом на Урал. Гайдар работал в местных газетах; в Перми он женился

на семнадцатилетней комсомолке Лие Лазаревне Соломянской, усыновив ее сына Тимура. После публикации рассказа «Р.В.С.» к Гайдару пришло признание, и семья переехала в Москву. Но в 1931 г. жена вместе с сыном ушла от него. Причиной ухода был алкоголизм писателя.

Гайдар тосковал, не мог работать и уехал в Хабаровск корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда». Знавший его в это время Борис Закс писал: «Мне пришлось за мою долгую жизнь иметь дело со многими алкоголиками – запойными, хроническими и прочими. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки» И еще: «Гайдар резался. Лезвием безопасной бритвы. У него отнимали одно лезвие, но стоило отвернуться, и он уже резался другим. Попросился в уборную, заперся, не отвечает. Взломали дверь, а он опять режется. Увезли в бессознательном состоянии... При этом не похоже было, что он стремился покончить с собой; он не пытался нанести себе смертельную рану».

Душевный недуг (маниакально-депрессивный психоз на фоне хронического алкоголизма) не помешал Гайдару создать произведения, поставившие его в первый ряд советских детских писателей. Но громкий успех не избавлял его от груза совершенных когда-то преступлений. «Снятся мне убитые мною в юности на войне люди», – писал он в дневнике. Постоянные запои мешали нормальной работе.

С началом новой войны Гайдар попросился на фронт. Когда в октябре 1941 г. партизаны отряда, в котором он был военным корреспондентом, напоролись на немцев, Гайдар вскочил во весь рост и крикнул своим товарищам: «Вперед! За мной!» Это была смерть, похожая на самоубийство. Другие партизаны спаслись.

Имя Гайдара очень часто носят детские учреждения: школы, библиотеки, детские дома.

Двадцать шесть бакинских комиссаров

Официальная советская историография воспевала «подвиг двадцати шести бакинских комиссаров», якобы расстрелянных. Имелись в виду 26 деятелей созданной в 1918 г. Бакинской коммуны: чрезвычайный комиссар Кавказа, председатель Бакинского совета народных комиссаров Степан Шаумян; бакинский губернский комиссар Мешади Азизбеков; председатель Бакинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов Прокофий Джапаридзе; председатель Совета народного хозяйства Иван Фиолетов; народный комиссар земледелия Мир-Гасан Везиров; комиссар по военно-морским делам Бакинского совнаркома Григорий Корганов; народный комиссар труда Яков Зевин; председатель центральной военной власти в Баку, командир красного отряда Григорий Петров; комиссар по военно-морским делам из центра Владимир Полухин; редактор газеты «Бакинский рабочий» Арсен Амирян; редактор газеты «Известия Бакинского совета» Сурен Овсепян; заместитель председателя Военно-революционного комитета Кавказской армии Иван Малыгин; комендант города Баку Багдасар Авакян; член Военно-революционного комитета Кавказской армии Меер Басин; член Военно-революционного комитета Марк Коганов; военный работник Федор Солнцев; заместитель народного комиссара продовольствия Арам Костандян; член Военно-революционного комитета Соломон Богданов; служащий Анатолий Богданов; журналист Арменак Борян; матрос Эйжен Берг; бригадный комиссар Иван Габышев; командир кавалерийского отряда Татевос Амиров; личные охранники Шаумяна и Джапаридзе, коммунисты Ираклий Метакса и Иван Николайшвили; делопроизводитель Военно-революционного комитета, беспартийный Исай Мишне. Как видно, перед нами совершенно разные люди: и крупные большевики, и мелкие советские служащие. Далеко не все они были комиссарами. Правда, 20.9.1918 все они действительно погибли, но не от руки англичан и не так, как представлено на картине советского художника И.И. Бродского, изобразившего их расстрел. В чем же состоял их подвиг?

С марта 1918 г. в Баку и его окрестностях правил Совет, куда входили члены различных левых партий. Его исполнительным органом был Бакинский совнарком, состоявший из большевиков и левых эсеров. 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская демократическая республика. На территории Азербайджана началась гражданская война, причем противники определялись в ней не по политическому (все они были социалисты, хотя и разных толков), а по национальному признаку: по одну сторону баррикад были в основном азербайджанцы, по другую – в основном русские и армяне. Большинство населения Баку было русско-армянским. Навстречу наступавшим на город азербайджанским войскам (численностью около 14 тысяч) Бакинский совнарком выставил Кавказскую армию во главе с большевиком-армянином Г. Коргановым. В распоряжении этого бакинского комиссара было 13 тысяч человек, 80 орудий, 3 бронепоезда, 160 пулеметов, 13 самолетов и 7 броневики. Но противостоять азербайджанцам он даже с такими силами не сумел, и в июле 1918 г. Совнарком пригласил для обороны Баку от азербайджанцев британские войска, располагавшиеся в Персии (Иране). Те согласились, поскольку Азербайджанская республика была союзником, а точнее вассалом, Турецкой империи, воевавшей на стороне Германии против Британии. Когда азербайджанские войска подошли к Баку, Совнарком сдал власть в городе Центрокаспию (Центральному комитету Каспийской флотилии) и Временному исполнительному комитету советов.

Бывшее руководство Баку намеревалось бежать в Астрахань, находившуюся тогда под контролем красных. Однако новое правительство Баку арестовало около 30 человек (в основном – перечисленных выше комиссаров) и предъявило им обвинение «в попытке бегства без сдачи отчета о расходовании народных денег, в вывозе военного имущества и в измене».

Завершив следствие, ЧК предала арестованных военно-полевому суду. Однако накануне входа в Баку азербайджанских войск подсудимых комиссаров отпустили, и те успели на последний отходивший пароход «Туркмен». Но из-за недостатка топлива пароход причалил не в Астрахани, а в Красноводске. Там бакинские комиссары были арестованы местными властями (стачечным комитетом рабочих-социалистов). Им предъявили обвинение в сдаче Баку азербайджанцам. По этому обвинению перечисленные 26 человек и были казнены – местный туркмен отрубил им головы. Английские войска не имели к этому никакого отношения – их в Красноводске в то время просто не было. Подлинную картину казни установила комиссия ВЦИК РСФСР под руководством В.А. Чайкина, опубликовавшего свой отчет в Москве в 1922 г.

Впрочем, один из бакинских комиссаров был отпущен. Генерал-майору А.Е. Мартынову, который в 1918 г. был начальником штаба главнокомандующего Прикаспийским краем (он участвовал в следствии и подписал приказ о казни «комиссаров»), пришлось освободить Анастаса Микояна, будущего сталинского наркома, именем которого называется мясокомбинат в Москве. Он помог белой контрразведке выявить своих товарищей среди 600 беженцев. «Самая сволочь из этих комиссаров был, но я ему слово офицера дал, что если поможет – сохраню ему жизнь», – вспоминал Мартынов в эмиграции.

Так что ничего героического в истории 26 бакинских комиссаров нет. Даже Сталин призывал лишь чтить их память и не утверждал, что они совершили какой-либо подвиг. Тем не менее улицы «26 бакинских комиссаров» есть в Москве, в Тропарево, и в других городах.

Дзержинский

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) родился в семье небогатого польского помещика. Россию и русских он ненавидел с детства и вспоминал в 1922 г.: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». Хотя воспользоваться шапкой-невидимкой ему не пришлось, в деле реализации своей заветной мечты он куда как преуспел. Начав борьбу против исторической России методами индивидуального террора, он продолжил ее после большевицкого переворота, стоя во главе могущественной террористической организации – ВЧК-ГПУ.

В молодости Дзержинский собирался стать священником и вступить в орден иезуитов, но вместо этого в 1895 г. вошел в Литовскую социал-демократическую организацию, а в 1900-м – в Социал-демократию Королевства Польши и Литвы. В 1896 г. бросил гимназию и стал профессиональным революционером. Активно участвовал в событиях 1905–1907 гг. и за уголовно наказуемые действия не раз был арестован и сослан, дважды бежал, несколько раз освобождался по амнистии; в общей сложности провел на каторге и в ссылке 11 лет.

Февральская революция освободила Дзержинского из Бутырской тюрьмы в Москве. Он сразу вступил в партию большевиков (причем партийный стаж ему засчитали с 1895 г.) и выдвинулся в ее первый ряд. Осенью 1917 г. вошел в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием. Во время октябрьского переворота руководил связью Смольного с красными отрядами. Стал членом Президиума ВЦИК, а в декабре 1917 г., по предложению Ленина, был назначен председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК).

Именно эта должность заслуженно принесла Дзержинскому славу одной из самых одиозных фигур большевизмской партии и советского режима. Он бессменно оставался во главе органов государственной безопасности (ВЧК, с 1922 – ГПУ, ОГПУ) до самой смерти. Дзержинский – один из главных организаторов красного террора – официальной политики Советского государства. Он создал небывалую систему подавления политических противников и устрашения населения, включавшую пытки, массовые захваты и казни заложников. По самым скромным подсчетам, под непосредственным руководством Дзержинского в 1918–1922 гг. было уничтожено примерно 1,7–2 млн человек. При этом ЧК не скрывала, что ее задача – не борьба с конкретными «преступниками», а ликвидация «враждебных классов», то есть истребление наиболее культурных слоев населения. Инструкциями предписывалось не столько рассматривать действия арестованного, сколько выяснять, «к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия... эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».

По воспоминаниям английского дипломата Б. Локкарта, глубоко посаженные глаза Дзержинского «горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными». Демагогическая фраза «чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» впоследствии широко использовалась советской пропагандой для романтизации образа «стража революции».

Во время гражданской войны председатель ВЧК неоднократно направлялся на различные фронты, где кровавыми методами восстанавливал дисциплину. С 1921 г. Дзержинский – председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, которая занималась ликвидацией детской беспризорности. В этом назначении был особый цинизм, так как именно ЧК своими бесконечными убийствами порождала толпы беспризорников. В 1921 г., оставаясь на посту председателя ВЧК, Дзержинский был одновременно назначен наркомом путей сообщения, а с 1924 г. – председателем ВСНХ СССР.

После начала Кронштадтского восстания Дзержинский немедленно обвинил его участников в том, что они действуют по заданию иностранных разведок (что заведомо не соответствовало действительности). В 1922 г. заявил, что теперь «нужно особенно зорко присматриваться к антисоветским течениям и группировкам, сокрушить внутреннюю контр-революцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней». Тем самым он положил начало традиции советских органов госбезопасности – всюду искать иностранные заговоры и шпионаж. После смерти Ленина Дзержинский возглавил комиссию по организации его похорон, настоял на бальзамировании его тела. Он и сам был похоронен у Кремлевской стены. В годы правления Сталина была создана легенда о кристально честном, гуманном, романтичном «Железном Феликсе», «рыцаре революции». Лишь с 1988 г. стали появляться публикации, приоткрывающие правду об этой страшной личности. В 1991 г. москвичи снесли памятник Дзержинскому на Лубянке: это стало символом конца коммунистического режима в СССР.

Но и сейчас в России нет, кажется, ни одного города, который не был бы осквернен этим кровавым именем. Улицы, площади Дзержинского – повсюду. Городские районы Волгограда, Кривого Рога, Нижнего Тагила, Новосибирска, Перми, Харькова, города и поселки в Минской области (бывший Кайданово), Нижегородской (бывший Растяпино), Донецкой (Щербиновка), Житомирской (Романов), в Красноярском крае, в Талды-Курганской области Казахстана носят его имя. Крупный город Днепропетровской области называется Днепродзержинск (бывшая Каменка). На южной окраине Москвы у древнего Угрешского монастыря был построен поселок Дзержинский.

Дмитрий Ульянов

Дмитрий Ильич Ульянов (партийные клички – Герц, Андреевский; 1874–1943) хотя и считался «советским государственным и партийным деятелем», не был даже тенью своего старшего брата и попал в советский пантеон только потому, что советская пропаганда обожествляла все, прикосновенное к Ленину.

Вслед за старшим братом Д. Ульянов вовлекся в революционное подполье и стал рядовым его работником. Окончив в 1893 г. самарскую гимназию, он поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1897 г. был арестован за участие в работе нелегальных организаций, в том числе Московского рабочего союза, отбыл за это заключение в Таганской тюрьме. Из Московского университета Ульянов был исключен, но в 1901 г. окончил медицинский факультет Юрьевского университета и стал врачом Херсонского земства, продолжая по мере сил помогать делу брата: был агентом газеты «Искра», переправлял ее региональным подпольным организациям.

За антиправительственную пропаганду был арестован в 1902 г. и снова в 1904 г., но скоро освободился. Продолжал работать врачом и помогать революционному подполью в Крыму. С началом I мировой войны был мобилизован как военный врач. Вел среди медицинского персонала армейских госпиталей, раненых и больных пораженческую пропаганду, направленную на разгром России.

С декабря 1917 г. был членом Таврического комитета РСДРП(б), поэтому разделяет с большевистским руководством полуострова ответственность за массовые убийства людей из «непролетарских классов» – в частности, русских офицеров, которых красные матросы в начале 1918 г. топили и сжигали живьем в корабельных топках. В 1918–1919 гг. он в партийном подполье Крыма. В 1919 г. – член Евпаторийского комитета РКП(б), заместитель председателя Крымского СНК. В 1920–1921 гг. входил в Крымский обком РКП(б) и ревком. С 1921 г. Д. Ульянов работал в Москве в Наркомздраве и Коммунистическом университете им. Свердлова. С 1933 г. – в научном секторе поликлиники Сануправления Кремля.

В Москве имя Дмитрия Ульянова носит улица в Академической управе.

Дундич

Тома Дундич (называл себя также Иван, в литературе – Олеко; 1896 или 1897–1920) родился в Далмации, в хорватской крестьянской семье. Один из самых известных иностранцев на службе у большевиков.

В 12 лет Дундич уехал за океан, работал погонщиком скота в США, Аргентине и Бразилии, где стал и профессиональным наездником. За океаном он пробыл 4 года и, заработав денег, вернулся домой. В 1914 г. призван на военную службу и как унтер-офицер австро-венгерской армии воевал против сербской и русской армий. В 1916 г. под Луцком взят в плен и вступил в сформированную в России 1-ю Сербскую добровольческую дивизию. Окончил Одесскую школу прапорщиков и был произведен в офицеры.

Но если большинство славян с подобной судьбой сохранило преданность исторической России и сражалось с большевиками в рядах белых армий, то Дундич повел себя противоположным образом. В 1917 г. он вступил в Красную гвардию, в созданный из иностранцев интернациональный батальон Сиверса и насаждал власть большевиков на юго-западе России. В марте 1918 г. Дундич возглавил партизанский отряд в районе Бахмута (ныне Артемовск), воевал в составе красной кавалерийской бригады Крючковского, был инструктором отдела формирования и обучения войск. Участвовал в репрессиях против донского казачества. Весной 1918 г. влился в отряд Ворошилова, с которым отошел в Царицын. Формировал в городе коммунистические части из иностранцев. Однако уже в июне 1918 г. попал под суд за то, что сманивал бойцов пехотного интернационального батальона в свой кавалерийский отряд, «обещая им повышенные денежные оклады». За самочинные действия приговорен Советом федерации иностранных коммунистов к исключению из Красной армии, но был прощен и с сентября 1918 г. вступил в должность командира батальона бригады имени III интернационала в 10-й армии.

С 1919 г. Дундич служил в Особой донской кавказской дивизии Буденного (позже в конном корпусе 1-й конной армии): был помощником командира полка, выполнял при Буденном особые поручения, командовал кавалерийским дивизионом при штабе 1-й конной. Зимой 1918–1919 гг., участвуя в контрнаступлении советского Южного фронта против Донской армии, отличился во время большевицких репрессий против казачества. В районе станицы Великокняжеская Дундич, по свидетельству красных историков, зарубил 116 донских казаков, в том числе 23 офицера. На мосту через Маныч он убил 9 офицеров. Под Воронежем им были убиты 24 казака. Буденный в своем интервью газете «Воронежский коммунист» от 1 ноября 1919 г. с гордостью заявил: «Их много, таких дундичей, и в моем корпусе, и в других. Все они – отличные боевики...»

Красные историки и журналисты сложили в то время немало легенд о Дундиче. Этот хорватский кавалерист якобы мог в одиночку сражаться с целыми эскадронами, врывать в расположение белых, вызывать там панику, захватывать трофеи и благополучно уходить. Эти легенды во многом порождались рассказами самого Дундича, склонного преувеличивать свои «достижения». Мифами являются, в частности, истории о том, как Дундич забросал гранатами штаб генерала А.Г. Шкуро в Воронеже; в одиночку разбил сотню кубанских казаков и захватил ее знамя; взял в плен группу казаков, посланных генералом С.Г. Улагаем на рыбную ловлю, и др.

В погромах, устроенных бойцами Конной армии Буденного при взятии Ростова-на-Дону, Дундич участвовал, потом помогал насаждать советскую власть на Северном Кавказе. В апреле 1920 г. переброшен с 1-й конной на польский фронт. Во время перехода буденновцев через Украину участвовал в подавлении украинских повстанческих отрядов и в погромах еврейского населения. Убит на польском фронте в бою под Ровно.

Дыбенко

Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938) происходил из крестьян Черниговской губернии. Окончил трехклассное городское училище. С 1911 г. – матрос Балтийского флота. Смутьян и дебошир, он не раз сидел в карцере. С 1912 г. Дыбенко – член РСДРП(б). Во время I мировой войны пытался взбунтовать военных моряков. Его арестовали и в составе морского батальона отправили на фронт. Однако идти в атаку на немцев батальон отказался и был расформирован, а Дыбенко получил два месяца тюрьмы за антивоенную агитацию.

Дыбенко – активный участник Февральской революции, во время которой подобные ему матросы безнаказанно убили десятки морских офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе (Хельсинки). Весной 1917 г. он возглавил созданный в Гельсингфорсе Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) – организацию, которая стала контролировать все стороны жизни военных моряков, подчиняясь только руководству большевистской партии. Даже приказ командующего флотом без санкции Центробалта не мог иметь силы. Например, на приказе сформировать матросские батальоны для участия в наступлении против немцев Дыбенко написал резолюцию: «...ни один матрос, верный революции, не может покинуть корабль... Тот, кто добровольно покинет корабль, исключается из списков флота и считается дезорганизатором последнего». Уже летом 1917 г. Центробалт стал требовать перехода всей власти в руки советов; в сентябре им была принята резолюция о непризнании Временного правительства и невыполнении его распоряжений. За это Дыбенко был арестован и заключен в тюрьму «Кресты», но по настоянию большевиков выпущен и снова продолжил свою антиправительственную деятельность. Он вошел в состав Петроградского военно-революционного комитета и в дни октябрьского переворота направлял в столицу отряды красных моряков из Гельсингфорса и Кронштадта.

Одним из первых матрос Дыбенко оказался в наркоммах большевистского правительства. Он упразднил должность командующего Балтийским флотом, возложив его обязанности на военный отдел Центробалта. В дни созыва Учредительного собрания отвечал за порядок в Петрограде, сосредоточил в городе свыше 5 тысяч матросов. 5 января 1918 г., выступая на заседании Учредительного собрания, заявил от имени моряков Балтфлота: «...мы признаем только советскую власть; за советскую власть наши штыки, наше оружие, а все остальное – мы против них, долой их!»

Когда в феврале 1918 г. началось немецкое наступление, Дыбенко во главе отряда матросов был отправлен под Нарву, чтобы остановить его. Местность оборонялась войсками под руководством бывшего генерала Парского и большевистского комиссара Бонч-Бруевича. Дыбенко подчиниться им отказался, заявив, что «братишки сами разберутся с немчурой». Однако немцы быстро разбили дыбенковское войско, которое оказалось способным лишь пьянствовать и куражиться над местным населением. По другим данным, дыбенковское войско бежало, даже не вступив в боевое соприкосновение с немцами. За этот позор Дыбенко был отстранен от поста наркома. Захватив два воинских эшелона и цистерну спирта, «братишки» бежали на Урал, круша по дороге привокзальные города. Только в мае Дыбенко был наконец пойман и предан революционному трибуналу за сдачу Нарвы немцам. Однако преданные собутыльники-балтийцы направили Ленину и Троцкому ультиматум: «Если в течение 48 часов Дыбенко не будет освобожден, мы откроем артиллерийский огонь по Кремлю и начнем репрессии против отдельных лиц». Вожди были вынуждены рекомендовать ревтрибуналу оправдать Дыбенко. Но из партии «героический матрос» был все же исключен и восстановлен только в 1922 г.

В августе 1918 г. Дыбенко был арестован в Севастополе германскими властями и приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Однако по настоянию жены Дыбенко,

А. Коллонтай, советское правительство обменяло его на пленных германских офицеров. С ноября 1918 г. он был на командных должностях в Красной армии. Командовал Сводной дивизией, созданной из провинившихся членов партии – воров и мародеров (за глаза ее именovali Сбродной), которая участвовала в подавлении Кронштадтского восстания в марте 1921 г. Дыбенко организовал массовую расправу над своими недавними товарищами по Балтфлоту.

В 1922 г. Дыбенко командовал стрелковым корпусом в Одессе. Присмотрел в городе великолепный особняк, вышвырнул на улицу хозяев, обставил свежеконфискованной антикварной мебелью и принимал там гостей. Подвалы винного завода, охраняемые специальными порученцами Дыбенко, не уставали выплескивать для него дореволюционные запасы коллекционных вин. В отсутствие жены пьянки с непременным участием особ легкого поведения случались ежедневно и еженощно. Завершались катанием на командирском автомобиле и купанием нагишом при лунном свете. Дыбенко использовал уголовников для благоустройства города, в награду отпуская «социально близких» на все четыре стороны. «Половая революционерка» Коллонтай сопровождала мужа, возглавляя политотделы и женсоветы и активно вмешиваясь в служебную деятельность супруга. Однако вскоре они расстались. Дыбенко хорошо усвоил коллонтаевские уроки «свободной любви» и часто менял любовниц.

В 1920–1930 гг. он продолжал занимать различные командные посты. Полгода учился в Берлине. Немецкие преподаватели так аттестовали его: «Особенно известен своими беспощадными грабежами. С военной точки зрения – абсолютный нуль, но с политической – считается особенно надежным». Он легко визировал смертные приговоры бывшим сослуживцам – Тухачевскому, Якиру, Примакову, но вскоре и сам, находясь в звании командарма и в должности командующего округом, был арестован. Среди прочего Дыбенко обвинили в пьянстве и разложении. Последнего он, впрочем, не отрицал. Дыбенко был расстрелян, а после смерти Сталина реабилитирован.

Улица Дыбенко есть в Москве (Ховрино), а в Петербурге в честь «легендарного матроса» названы улица и станция метро.

Землячка

Розалия Самойловна Самойлова (урожденная Залкинд), известная как Землячка (1876–1947), была дочерью купца 1-й гильдии. Училась в Киевской женской гимназии и Парижском университете. В 1896 г. вступила в РСДРП, после 1903 г. – во фракции большевиков. С 1901 г. агент «Искры» в Одессе. В 1903 г. кооптирована в ЦК партии. В декабре 1905 г. принимала участие в вооруженном восстании в Москве. Трижды арестовывалась. В 1909 г. Землячка – секретарь Бакинского комитета РСДРП. С 1909 г. в эмиграции в Европе. В эти годы она зарекомендовала себя как человек, непримиримый к чужим слабостям, требующий выполнения партийного задания во что бы то ни стало. Соответствовал этому и партийный псевдоним Землячки – «Демон». Ее боялись за тяжесть характера и редкостную жестокость.

В 1914 г. Землячка вернулась в Россию, где в соответствии с партийным курсом вела пораженческую агитацию в Москве. Октябрь 1917 г. застаёт ее членом военно-революционного комитета Рогожско-Симоновского района. В 1918 г. Землячку направляют для политической работы в Красную армию: она последовательно занимает должности комиссара бригады и начальника политотделов 8-й и 13-й армий Южного фронта.

Получив такие полномочия в обстановке военного времени. Землячка смогла сполна проявить черты, присущие ее натуре.

Даже среди большевиков Землячка выделялась особой ненавистью к царским офицерам и вообще к носителям культуры исторической России. Она протестовала против всякого сотрудничества с «военспецами», на которое вынужденно шло большевицкое руководство. В ноябре 1920 г. ее назначают в только что захваченный большевиками Крым секретарем местного обкома РКП(б). В этой должности Землячка вместе с Бела Куном возглавила массовые карательные акции, прошедшие в Крыму после ухода Белой армии. Жертвами этой «интернационалистской» пары стали главным образом офицеры, которые остались в России, поверив обращению Фрунзе, обещавшему им амнистию. Известны слова Землячки: «Жалко на них тратить патроны, топить их в море». После этого людей начали живыми сбрасывать в море, привязав к ногам камень или связав друг с другом проволокой. Расстреляно было и множество гражданских лиц – за то, что приехали в Крым после 1917 г. без разрешения советских властей. Расстрелы шли без всякого намека на суд, просто по регистрационным спискам. Уклонение от регистрации тоже каралось расстрелом.

Репрессии осуществлялись силами частей особого назначения (ЧОН). Только за первую неделю ими было убито (согласно отчетам Крымского ревкома) более 8 тысяч человек; всего за 1920–1921 гг. – не менее 50 тысяч, а вероятно, 75 тыс. или более. Точные цифры выяснить трудно, так как после двух публикаций в «Известиях ревкома», вызвавших панику среди населения, партийное руководство стало скрывать списки расстрелянных. Группы обреченных – мужчин и женщин, стариков и детей, нередко раздетых догола, – расстреливались из пулеметов и сбрасывались в море или наспех зарывались в неглубоких рвах и оврагах. Несколько групп арестованных были погружены на баржи и утоплены в море. Кровавая вакханалия продолжалась до июня 1921 г.

Эти заслуги обеспечили Землячке быструю партийную карьеру. В 1920-х гг. она работала секретарем райкомов в Москве и в Пермской губернии (куда была направлена для разгрома «рабочей оппозиции» в партии). Далее Землячка занимала посты в Президиуме и партколлегии ЦКК, в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции СССР, в Комиссии советского контроля (КСК). В 1939 г. стала председателем этой Комиссии и заместителем председателя Совнаркома СССР. В ее обязанности входил контроль за государственными учреждениями, в том числе прокуратурой и армией. Заметим, что персонал органов советского и партийного контроля формировался в основном из людей, знакомых с чекистской работой. Эти органы

активно участвовали в проведении репрессий 1930-х гг. Работая в Комиссии советского контроля, Землячка оставалась «Демоном» для соратников по партии, да и сотрудников собственного ведомства. Сама она не попала ни под одну из чисток карательных органов.

В начале 1940-х гг. влияние престарелой фурии постепенно падает. Она отходит от дел и незаметно умирает в Москве. Прах палача русского офицерства покоится в Кремлевской стене. В Москве есть мемориальная доска.

Загорский

Владимир Михайлович Загорский (настоящая фамилия Лубоцкий, партийная кличка Денис; 1883 или 1881–1919) родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника. Никакой созидательной деятельностью не занимался, полностью отдавшись революционной работе.

Школьником начал участвовать в деятельности революционных кружков в Нижнем Новгороде. Личный друг Свердлова, вместе с ним стал членом нижегородской организации РСДРП, выполнял ее поручения. В 1902 г. – активный участник первомайских демонстраций рабочих и учащихся. Был арестован и сослан на вечное поселение в Сибирь, но в 1904 г. бежал в Москву, а потом нелегально эмигрировал в Швейцарию, где примкнул к большевикам. В Женеве познакомился с Лениным. Осенью 1905 г. по заданию ЦК партии вернулся на родину, распространял большевистские газеты и занимался пораженческой пропагандой во время войны с Японией. Вел нелегальную работу в Городском районе Москвы, в крупной типографии Кушнерева, где печаталась большевистская литература. Принял самое активное участие в декабрьских событиях 1905 г. в Москве: сколотив группу боевиков, убивал солдат и представителей органов правопорядка. После подавления мятежа перешел на нелегальное положение. Был членом Рогожского районного исполнительного комитета партии. После провала московского большевистского подполья бежал за границу и жил в эмиграции (Англия, Германия).

После октябрьского переворота был назначен первым секретарем первого советского дипломатического учреждения в Германии. Прямо из лагеря, куда немцы посадили его во время войны как российского подданного, был доставлен в Берлин и лично поднял над бывшим российским дипломатическим представительством красный флаг. Пока Загорский возглавлял советскую миссию в Берлине, именно через него осуществлялись тайные контакты большевистского руководства с кайзером Германии. Он содействовал заключению позорного Брестского мира, который нанес тяжелейший урон России.

С середины 1918 г. Загорский – один из деятелей Московского комитета партии, потом его секретарь. Ленин ценил его как «хорошего организатора, всей душой преданного делу партии». Под непосредственным началом Загорского в Москве проводилась экспроприация промышленности и банков. Он состоял и в политической комиссии по руководству Центральным штабом карательных отрядов особого назначения Москвы, созданных для проведения красного террора. С сентября 1919 г. Загорский вместе с председателем ВЧК Дзержинским возглавил Комитет обороны Москвы, предпринимая чрезвычайные меры на случай восстания в городе, что означало усиление террора. Погиб он в результате взрыва бомбы на совещании партработников в здании МК РКП(б). Знаменитый теракт в Лаврентьевском переулке был устроен анархистами и эсерами в ответ за проведенные против них репрессии. Похоронен Загорский у Кремлевской стены.

В 1930 г. его партийной кличкой называли древний город Подмосковья, которому теперь возвращено его исконное имя – Сергиев Посад. А улица в Можайском районе Москвы и поныне носит имя Загорского.

Инесса Арманд

Инесса (Елизавета) Федоровна Арманд, урожденная Стеффен (1874 или 1879–1920), была дочерью оперного тенора Теодора Стеффена и хористки русского подданства англо-французского происхождения. Получила домашнее образование. Стала учительницей в семье богачей Армандов, один из которых, Александр, на ней женился. Используя его богатство, она занималась благотворительностью. Председательствовала в дамском обществе помощи проституткам. В 1903 г. родила 5-го ребенка от младшего 18-летнего брата мужа, под влиянием которого сблизилась с московской группой эсеров. Неоднократно подвергалась обыскам и арестам, но муж постоянно вносил за нее залоги, и ее отпускали. Несмотря на это, Инесса с ним развелась. Продолжительное время у нее на квартире происходили собрания социалистов-революционеров, пряталось оружие, боеприпасы и подрывная литература.

В 1904 г. Арманд вступила в партию большевиков (по некоторым данным, это произошло уже в эмиграции). Активная участница событий 1905–1907 гг., за подрывную работу против государственного строя выслана на север России, в Мезень. Оттуда Арманд в 1908 г. бежала в Петербург и с помощью эсеров по подложному паспорту выехала за границу. В Париже, на похоронах дочери и зятя Маркса, встретила с Лениным, который потряс ее своими речами. Арманд стала любовницей Ленина и поселилась в его квартире. Быстро сделала его домоправительницей, переводчиком, завхозом, доверенным лицом. Несмотря на все переезды Ленина и Крупской за границу, жила с ними в течение пяти лет. Работала в партийной школе пропагандистов в Лонжюмо, где стала завучем, вела большевицкую агитацию среди французских рабочих. В 1912 г. нелегально приехала в Россию, за подпольную работу снова была арестована. По выходе из тюрьмы в 1913 г. вернулась за границу. Когда началась I мировая война, Арманд занялась агитацией среди французских рабочих, призывая их отказываться от работы в пользу стран Антанты. Для пропаганды мировой революции переводила работы Ленина, издания ЦК партии.

В апреле 1917 г. Арманд вместе с Лениным вернулась в Россию. Она вошла в Московский окружной комитет партии большевиков, участвовала в боях, проходивших в городе в октябре-ноябре 1917 г., затем была председателем Московского губернского совнархоза. Всецело преданная Ленину, крайне нетерпимо относилась к любым проявлениям «идейных шатаний» и «отступления от генеральной линии» вождя. В 1918 г., под видом главы миссии Красного Креста, Арманд была направлена Лениным во Францию для того, чтобы вывезти оттуда несколько тысяч солдат Русского экспедиционного корпуса. Там она была арестована французскими властями за подрывную деятельность, но отпущена из-за угрозы Ленина расстрелять за нее всю французскую миссию в Москве.

В 1918–1919 гг. Инесса Арманд возглавляла женский отдел ЦК партии большевиков. Была активнейшим организатором и руководителем 1-й Международной женской коммунистической конференции в 1920 г., принимала самое горячее участие в борьбе женщин-революционерок с традиционной семьей. Еще в 1912 г. она написала брошюру «О женском вопросе», в которой выступала за свободу от брака. Следует заметить, что если поведение самой Инессы было ее личным делом, то ее публичная агитация за «свободу пола» имела тяжелые последствия для общества. Без подобной агитации (которую вела не только Арманд) была бы невозможной «социализация женщин», объявленная большевиками в разных районах России. На практике это означало массовые изнасилования, которые оставались абсолютно безнаказанными, поскольку женщины были объявлены «общественным достоянием» (например, в Саратове). Доля ответственности за искалеченные судьбы многих женщин должна быть возложена и на Арманд.

Страстную и бурную деятельность «половой революционерки» пресекла холера. В Москве, в Ясенево, одна из улиц носит имя этой международной авантюристки.

Киквидзе

Василий Исидорович Киквидзе (1895–1919), по определению Сталина – «грузинский Чапаев», был другом подобной «легендарной» фигуры – «матроса Железняка».

Четырнадцатилетним гимназистом он увлекся революционными идеями, связался с социалистами-революционерами максималистского толка, т. е. наиболее ревностными сторонниками террора. Во время I мировой войны служил в кавалерии, за революционную пропаганду в армии не раз арестовывался. Незадолго до февраля 1917 г. попал под суд за пораженческую пропаганду, что грозило ему заключением. Но после революции был, естественно, амнистирован. Призывы покончить «с контрреволюционным офицерством» обеспечили ему популярность среди солдат, не желавших идти в бой. Киквидзе возглавил солдатский комитет своей дивизии. Работа этого и ему подобных комитетов привела к тому, что командование полностью утратило власть над армией; солдаты открыто издевались над словами о долге перед Отечеством и безнаказанно убивали офицеров. Киквидзе несет свою долю ответственности за разложение русской армии на Юго-Западном фронте и последовавшие вслед за этим убийства.

После октябрьского переворота он был избран товарищем (заместителем) председателя Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта. Когда комитет разогнали украинские самостийники, Киквидзе бежал в Ровно. В конце 1917 г. он сформировал Ровенский красногвардейский отряд в 1500 человек, который вел бои в районе Ровно и Дубно, принял участие в захвате Житомира. Это его воинство, сражаясь с гайдамаками (войсками украинской Центральной рады), не отставало от них в грабежах местного населения и еврейских погромах. Весной 1918 г., командуя 4-й армией, Киквидзе применял на Украине тактику «выжженной земли»: взрывал при отступлении водокачки, уничтожал запасы продовольствия, разрушал железнодорожное полотно.

В мае 1918 г. Киквидзе сформировал в Тамбове дивизию, впоследствии получившую наименование 16-й стрелковой, и стал ее командиром. Эта дивизия проводила карательные акции против донских казаков, восставших из-за большевицкого геноцида. С июня 1918 по январь 1919 гг. она входила в состав 9-й армии, направленной против войск генерала П.Н. Краснова. Для этих действий Киквидзе получил от своего командования три бронепоезда, «интернациональный батальон» и роту китайцев. На обычных красноармейцев он опереться не мог, так как они отказывались участвовать в карательных операциях против казачества. Сталин не случайно именовал Киквидзе «грузинским Чапаевым»: для донских казаков Киквидзе был таким же карателем, как Чапаев – для уральских.

В июле 1918 г. в Москве подняли неудачное восстание левые эсеры. Киквидзе, принадлежавший к их партии, послал Ленину верноподданническую телеграмму, но в то же время укрыл в своей дивизии некоторых эсеровских лидеров.

Вообще Киквидзе, внесший немалый вклад в победу большевиков, принадлежал, тем не менее, к тому же распространенному тогда типу предводителей бандитской вольницы (которую в зависимости от обстоятельств большевикам приходилось именовать то «дивизией» или «армией», то «бандами такого-то»), что и Махно. На их безусловную преданность трудно было рассчитывать. Таких людей тянуло друг к другу, и неслучайно «матрос Железняков» стал ближайшим сподвижником Киквидзе, который сделал его командиром 1-го полка своей дивизии и фактически укрывал от преследований со стороны Подвойского, не подчинившись требованию о выдаче анархистствующего матроса. Это было использовано для начала кампании против Киквидзе, в ходе которой в октябре 1918 г. «собрание красных агитаторов» приняло решение о смещении его с должности комдива и предании суду за партизанщину и укрывательство «контрреволюционеров». К моменту его гибели на него регу-

лярно поступали доносы, в ноябре 1918 г. Киквидзе официально потребовал от коммунистов «убрать интриганов с фронта».

И неизвестно, как бы обернулось дело, если бы ему не повезло погибнуть раньше, чем быть расстрелянным по обвинению в «контрреволюции». Именем Киквидзе были названы хутор Зубрилов, под которым его убили (Волгоградская область), Преображенская станица Волгоградской области, одноименный ей административный район и улицы в ряде городов.

Кингисепп

Виктор Эдуардович Кингисепп (1888–1922) почитался в СССР прежде всего как основатель Коммунистической партии Эстонии. Родившись на о. Эзель (Сааремаа), в г. Аренсбурге в рабочей семье, Кингисепп примкнул к большевикам во время смуты 1905–1907 гг. как участник антиправительственных волнений в Балтийском регионе и в 1906 г. был принят в ленинскую партию. В 1917 г. ему удалось окончить Петроградский университет.

В течение 1917 г., получив возможность действовать легально, Кингисепп развертывает подрывную деятельность в родных краях: он становится членом Северо-Балтийского комитета партии, а затем заместителем председателя ВРК Эстляндского края. 26–27 октября 1917 г. Кингисепп во главе местных большевиков захватывает власть в Эстляндской губернии и разгоняет собравшийся было в Ревеле парламент. Став членом военного и продовольственного отделов исполкома Советов Эстляндии, формирует большевицкие части в Ревеле.

После изгнания большевиков из Эстонии немецкими войсками Кингисепп бежит на советскую территорию. «Эстонского товарища» делают комиссаром Инспекции по формированию военных округов и членом ВЦИКа. Далее он «трудится» в Верховном ревтрибунале при ВЦИК и в ВЧК. Кингисепп – член Особой следственной комиссии по делу левых эсеров, с которыми большевики решили к тому времени покончить, и следователь по так называемому «заговору Локкарта».

Осенью 1918 г. ему нашлась работа и на родине. 29 ноября красные войска вторглись в Эстляндию и в тот же день провозгласили в Нарве Эстляндскую трудовую коммуну, в Совете которой Кингисепп возглавил управление внутренних дел. В захваченных городах (до начала 1919 г. большевики контролировали половину территории Эстляндии) Кингисепп и его подручные творили немыслимые зверства. На фотографиях того времени запечатлены подвалы чрезвычайек в Тарту и других городах, в несколько слоев набитые трупами расстрелянных офицеров, священников, хорошо одетых штатских граждан.

Большевиков из Эстонии тогда выгнали, но Кингисепп остался там на подпольной работе, и в ноябре 1920 г. его усилиями была образована компартия Эстонии в качестве самостоятельной секции Коминтерна. Однако не прошло и двух лет, как Кингисеппа арестовали и 4 мая 1922 г. расстреляли.

Такую утрату большевики не могли не отметить в топонимике. На Эстонию их власть тогда не простиралась, и жертвой пал ближайший к ней город Ямбург, в том же 1922 г. переименованный в Кингисепп. В 1952 г. дошла очередь и до Аренсбурга (Курессааре), получившего такое же наименование. Но последнему в начале 1990-х вернули его эстонское имя, а Ямбург до сих пор носит имя чекистского палача. Кингисеппское шоссе есть и в Петербурге.

КОТОВСКИЙ

Григорий Иванович Котовский (1881–1925) с детства отличался буйным нравом, огромной физической силой, презрением к закону и принятому в обществе порядку. «Порядки» он всегда устанавливал сам. Сын инженера-дворянина начал бандитскую карьеру с убийства отца своей возлюбленной – князя Кантакузина, противившегося встречам влюбленных. Заодно и лишил свою пассию собственности, спалив ее имение.

Скрываясь в лесах, Котовский сколотил банду, куда входили бывшие каторжники и прочие профессиональные уголовники. Их разбои, убийства, грабежи, вымогательства сотрясали всю Бессарабию. Все это делалось с дерзостью, цинизмом и фрондерством. Не раз стражи закона ловили авантюриста, но благодаря огромной физической силе и ловкости ему всякий раз удавалось сбежать, например, убив камнем часового. В 1907 г. Котовский был осужден на 12 лет каторги, но в 1913 г. бежал из Нерчинска и с начала 1915 г. возглавил новую банду в родных краях.

В 1916 г. он опять попал в руки правосудия. Суд квалифицировал его деятельность как обыкновенный бандитизм, лишенный каких-либо политических мотивов. Знаменитый разбойник был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Февральская революция стала для таких людей бесценным подарком. Весной 1917 г. Котовский был условно освобожден. Прихватив кандалы, он понесся в одесский оперный театр, где и продал их с аукциона. Затем несостоявшийся смертник был направлен в действующую армию, на Румынский фронт. В ноябре 1917 г. он был ближе к анархистам или к левым эсерам, чем к большевикам, но охотно пошел на службу к новой власти. Созданный им красный отряд, по существу, не отличался от его прежних банд. Те же грабежи и разбои, только теперь уже под знаменем мировой революции. «Мы не красноармейцы (коммунисты, большевики, ленинцы), мы – котовцы!» – твердили бандиты, обожавшие своего вожака. Правда, в отличие от буденновцев, грабивших каждый для себя, котовцы получали награбленное через «общак», часть которого шла на показную помощь «сырым и убогим». Советские историки выдавали эту уголовную традицию за помощь «освободителей» трудовому народу.

Котовского бросали то на Украину – против генерала А.И. Деникина, то под Петроград – против генерала Н.Н. Юденича. Одно время он входил в группу Якира. В 1920 «братва» Котовского под названием Отдельной кавбригады была направлена и в Польшу. Но французский генерал Вейган зажал беспорядочно бегущих котовцев в клещи близ Каменца. По трупам горстка телохранителей вынесла контуженного атамана из окружения. В 1921 г. Котовского направили на подавление крестьянских волнений. Разбойник становится видным специалистом по борьбе с повстанцами. Его конники сотнями рубили тех, кого он якобы «защищал от царизма» в родной Бессарабии. Особенно кровавый след кавалерийская бригада Котовского оставила при разгроме Тамбовского крестьянского восстания.

К 1922 г. Котовский стал командующим корпусом; членом Реввоенсовета и трех ЦИКов – союзного, украинского и молдавского; владельцем экспроприированного у «классовых врагов» дворца, который ломился от награбленного имущества. В зените славы его внезапно застрелил курьер штаба Майоров.

Молдаване избавились от памяти «батьки», и город недалеко от Кишинева, носивший имя Котовск, теперь называется Хынчешты. Русские же и украинцы терпят Котовского и по сей день – в Тамбовской и Одесской (бывшая Бирзула) областях города и сейчас носят название Котовск, а в Волгоградской области есть поселок имени Котовского – центр административного района. В Петербурге есть улица Котовского.

Красная армия

Красная армия – название вооруженных сил советской России и СССР на протяжении 1918–1946 гг. По официальному определению, это «военная организация Советского государства, предназначенная для защиты социалистических завоеваний». Как видно, Красная армия не имела отношения к понятиям «российская армия» и «российский патриотизм». Она была орудием коммунистической партии, созданным для достижения ее цели – мировой коммунистической революции. Ленин разработал «военную программу пролетарской революции», «принципы военной организации пролетарского государства» и «учение о защите социалистического Отечества». Троцкий был непосредственным организатором этой армии и с самого начала насадил в ней жестокие карательные порядки. Первые части Рабоче-крестьянской Красной армии (а до нее – Красной гвардии) сформировались под руководством военного комиссара Подвойского.

Принципиально важно то, что РККА – вооруженные силы правительства, пришедшего к власти в результате государственного переворота. Сначала она создавалась на добровольных началах из рабочих и крестьян. Однако ей быстро потребовался опыт профессионалов, служивших в прежней армии. Царские офицеры, как правило, не стремились служить партии, совершившей государственный переворот. Чтобы склонить их к сотрудничеству, советская власть широко применяла институт заложников. Семьи военных специалистов становились заложниками ЧК и служили гарантией того, что командиры Красной армии не перейдут на сторону белых.

Политика военного коммунизма породила по всей стране народное сопротивление в таком масштабе, что армия, набранная из добровольцев (к маю 1918 г. их было 196 тысяч), не могла обеспечить большевикам сохранение власти. Поэтому начались насильственные мобилизации.

(Эти 196 тыс. требуют комментария: а) к 1918 г. образовалась огромная масса молодых людей, не умевших делать ничего, кроме как воевать, вот и шли в РККА заниматься знакомым ремеслом, приверженности коммунистической идеологии могло при этом и не быть; б) человек, проживавший на территории, контролируемой белыми, мог с ними сотрудничать, а мог и не сотрудничать. На территории, контролируемой большевиками, – иначе. При отсутствии частных предприятий и частного предпринимательства, конфискации банковских вкладов, ликвидации денег и замене их системой пайков, запрете на частную торговлю исключалась возможность независимости человека от государства. Либо умереть с голоду, либо служить в советском учреждении, работать на производстве, служить в РККА).

Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 29 мая 1918 г. ввел обязательную военную службу. В случае уклонения от нее или дезертирства революционная кара (вплоть до расстрела) ждала не только самого уклониста или дезертира, но и его родственников. Однако даже при этом к середине 1919 г. из Красной армии дезертировали, по признанию самих большевиков, не менее 900 тысяч человек. Отчасти это объяснялось тем, что большинство военнообязанных жителей России не желало участвовать в гражданской войне ни на чьей стороне. Причиной массового бегства из Красной армии были и царившие в ней порядки. За малейшую провинность, будь то критика конкретных командиров или действий власти как таковой, расстреливали без суда и следствия. Система децимаций, то есть процентного расстрела красноармейцев в случае неудачи на фронте, стала узаконенной мерой повышения боеспособности. При каждом подразделении Красной армии действовали Особые отделы и комиссары, которые следили за командирами и санкционировали репрессии. Их жертвами становились не только «контрреволюционеры», но и верные советской власти командующие. Члены особых отделов и военные комиссары вызывали

ненависть красноармейцев, что нередко приводило к самосуду над ними. Уже тогда создавались заградотряды.

Вслед за применением массового террора против дезертиров и уклонистов к лету 1920 г. Красная армия выросла до 5 с половиной миллионов человек. Между тем разрозненные силы белогвардейцев и антибольшевицких повстанцев, вместе взятые, никогда не превышали 1 миллиона человек. В состав Красной армии были включены и Части особого назначения (ЧОН), сформированные ЧК, а также части, созданные из иностранцев, бывших военнопленных. Эти подразделения «воинов-интернационалистов» сначала подавляли народные восстания в центре страны (Ярославль, Ижевск, Астрахань, казачьи области, Кронштадт, Тамбовщина), а потом, уже после Гражданской войны, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Эти подразделения терроризировали и простых красноармейцев. Кровавые подавления народных восстаний с применением химического оружия, массовые убийства (например, геноцид казачества) позволяют сделать вывод, что Красная армия была карательным инструментом в руках большевиков, сохранивших с ее помощью власть над Россией.

Красная армия была фактически разбита немцами в 1941–1942 гг. В обстановке наступившей разрухи более 5 миллионов человек сдались в плен, не желая защищать сталинский режим. Более 1 миллиона поступило в разные антибольшевицкие вооруженные формирования на немецкой стороне. Армия, которая победоносно наступала в 1943–1945 гг., была по духу и по составу уже иной, осознавшей угрозу не только режиму, но и самому существованию страны. В значительной мере она ощущала себя русской и была в 1946 г. переименована в Советскую армию.

Но после II мировой войны коммунисты и эту армию использовали в целях мировой революции. Она не была выведена из стран, очищенных от немецких войск, а стала силой, обеспечившей насаждение там коммунистических режимов и подавление вспыхивавших против них восстаний. Такая роль неизбежно вызывала у народов этих стран неприязнь, автоматически переходившую на русский народ, что до сих пор пагубно отражается на отношениях России со странами Восточной Европы и на ее положении в мире.

Улицы, названные в честь Красной армии, в городах и поселках нашей страны бесчисленны. Города с именем Красноармейск есть в Московской области, в Саратовской (бывший Голый Карамыш), Донецкой (бывшее Гришино), Ростовской, Самарской (бывшая Колдыбань), в Чувашии, в Кокчетавской области Казахстана (бывшая Таинча), и даже на Чукотке есть поселок городского типа с таким названием. В Волгограде есть Красноармейский район, а в Москве, в районе Аэропорт, – Красноармейская улица.

Красная гвардия

По советской формулировке, Красная гвардия была «основной формой организации вооруженных сил пролетариата в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в начале гражданской войны». Иначе говоря, так именовались незаконные вооруженные формирования, созданные партией большевиков с целью захвата власти и подавления сопротивления тех, кто готов был с оружием в руках бороться против их диктатуры.

Первые опыты по созданию Красной гвардии приходится на период революционных беспорядков 1905–1907 гг. – как раз во время войны с Японией. Красногвардейские отряды активно проявили себя в ходе декабрьских вооруженных восстаний 1905 г., особенно в Донбассе и Москве, где они вели против правительственных сил баррикадные бои. Объективно это содействовало достигнутому в то время успеху японской армии. В гвардию входили профессиональные революционеры, увлеченные ими рабочие и учащиеся, а также многочисленные уголовники, которые пользовались обстановкой, чтобы разбойничать и грабить. Боевые группы Красной гвардии обстреливали полицию и войска с крыш и чердаков, а также применяли ручные бомбы. Казаков и чинов Отдельного корпуса жандармов они в плен не брали, расправлялись с ними на месте. Однако тогда бунтовщики были разбиты силами правопорядка.

Новую попытку создания Красной гвардии большевики предприняли в феврале-марте 1917 г. в ходе мятежа в Петрограде. Их отряды участвовали в уличных боях против верных царю войск и полиции, грабежах магазинов, разгроме полицейских участков и убийствах полицейских (в феврале-марте 1917 г. погибло около 2 тысяч чинов полиции). Красногвардейские формирования создавались фабрично-заводскими или партийными комитетами на добровольных началах, по производственно-территориальному принципу. Их структура определялась уставами, утвержденными местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. е. незаконными структурами, стремившимися подменить собой правительственные учреждения. Согласно этим уставам, красногвардейцами могли быть рабочие или работницы, состоящие членами социалистических партий или профессиональных союзов, а в сельской местности – бедняки, батраки и бывшие солдаты. Каждому красногвардейцу выдавался членский билет. За время несения службы (дежурство, караул и др.) они получали заработную плату по месту работы.

Летом 1917 г. красногвардейские части стали главной силой большевиков в ходе июльского мятежа и во время противодействия выступлению генерала Л.Г. Корнилова. К моменту октябрьского переворота их численность по всей стране равнялась 200 тысячам человек, в том числе в Москве и Петрограде – до 70 тысяч. Наряду с революционными матросами красногвардейцы брали Зимний дворец, насиловали его защитниц из женского батальона, чинили расправу над плененными ими офицерами и юнкерами, а также штатскими – явными или мнимыми противниками большевизма, расхищали и громили культурные ценности, опустошали винные погреба. В январе 1918 г. красногвардейцы расстреливали демонстрации в защиту разогнанного большевиками Учредительного собрания.

Наряду с латышскими стрелками отряды Красной гвардии служили главной опорой партийного руководства в первые месяцы послеоктябрьского переворота. Однако из-за отсутствия дисциплины красногвардейцы оказались малопригодными для серьезных боев. Это стало одной из причин, побудивших большевиков в начале 1918 г. заменить Красную гвардию Красной армией.

Именем Красной гвардии названо немало городов и поселков. Такие населенные пункты есть в Оренбургской, Свердловской, Белгородской областях, в Адыгее (бывшее

Николаевское), Ставропольском крае, в Крыму (бывшее село Курман-Кемельчи), в Самаркандской области Узбекистана. В Днепропетровске Красногвардейским назван один из районов. В Москве именем Красной гвардии назван бульвар, улица, три проезда и станция метро. В Петербурге есть Красногвардейский район, а также улица, площадь и переулок того же названия.

Крупская

Надежда Константиновна Крупская (1869–1939), широко известная советским людям как «друг и соратник Ленина», происходила из дворянской офицерской семьи. В детстве осиротела и воспитывалась за государственный счет, что не помешало ей вступить на путь борьбы против государства. С 1890 г. Крупская входила в марксистские студенческие кружки. С 1894 г. сблизилась с Лениным и участвовала с ним в создании революционной организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. В 1896 г. за антиправительственную пропаганду выслана в Уфимскую губернию, которую по ее просьбе заменили на с. Шушенское Енисейской губернии, где отбывал ссылку Ленин; здесь Крупская стала его женой. Эта революционерка с молодых лет была страшновата, на год старше жениха, и лишена женского обаяния, но на роль «друга и соратника» подходила. В 1898 г. она вступила в партию и была известна под кличками «Минога» и «Рыба». С 1901 г. в эмиграции, была секретарем «Искры» и других партийных газет, отвечала за связь центра партии с ее местными организациями, переправляла через границу людей, письма и нелегальную литературу. На время революции 1905–1906 гг. нелегально вернулась вместе с Лениным в Россию для подпольной работы; после восстановления правопорядка снова скрылась за границу. Заочно осуждена за подрывную деятельность.

После февральских событий 1917 г. Крупская уже свободно вернулась на родину и вела агитацию в пользу поражения России в I мировой войне. Когда были разоблачены связи Ленина с германским Генштабом и Временное правительство объявило его изменником, укрывала его и передавала руководящие письма от него в ЦК и Петербургский комитет партии. В дни октябрьского переворота работала в Выборгском райкоме РСДРП(б).

После установления советской власти Крупская занимала ведущие должности в Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) РСФСР и принялась за большевизацию отечественного образования. Уже в 1920 г. Главполитпросвет Наркомпроса по инициативе Крупской разослал на места инструкцию о пересмотре каталогов и изъятии из общественных библиотек «идеологически вредной и устаревшей» литературы. Как признавала сама Крупская, «в некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ, чтобы работа по изъятию началась». Именно Крупская составляла первые «черные списки» книг, подлежащих запрету и изъятию из библиотек в советской России. В 1924 г. она включила в эти списки Платона, Канта, Шопенгауэра, Лескова и др. крупнейших авторов, что шокировало даже «буревестника революции» Горького. Особенно сильно пострадали детские библиотеки. По приказу Крупской из них были изъяты даже народные сказки и «Аленький цветочек» Аксакова. Всего ее инструкция содержала 97 имен детских писателей, в том числе Чуковского, чьи стихи она называла «буржуазной мутью». «Содержание детской книги должно быть коммунистическое», – требовала Крупская в статье «Детская книга – могущественное орудие социалистического воспитания» (1931). Сказки в 1930-е годы были «реабилитированы», но множество книг так и остались недоступными для читателя. Циркуляр, подписанный Крупской, запрещал выдавать читателям Библию и любую другую религиозную литературу.

Крупская была одним из главных инициаторов антирелигиозной кампании. Она не только оправдывала репрессии против Церкви, но и призывала к ним, объявляя христианство «контрреволюционным», «антинародным», «инструментом насилия господствующих классов». Крупская предложила план массовой подготовки специалистов по пропаганде безбожия. «Нельзя дать заглухнуть... отрицательному отношению к церкви. Под это отрицательное отношение, построенное больше всего на чувстве, надо подвести фундамент, надо дать ему научное обоснование», – писала она в 1922 году.

Крупская участвовала в работе Коминтерна («штаба мировой революции») и с 1924 г. входила в ЦКК, а с 1927 г. вошла и в ЦКВКП(б). Воинствующая безбожница была, естественно, почетным членом Академии наук СССР, членом ВЦИК, а с 1929 г. – заместителем наркома просвещения. Хотя расположением Сталина она не пользовалась (отвечая ему взаимностью), но статус жены «вождя мирового пролетариата» обеспечил ей одно из самых почетных мест в советском ареопаге и место у Кремлевской стены.

Память Крупской запечатлена в названии московской улицы (Ломоносовская управа), в имени поселка в Минской области и во множестве имен улиц, фабрик и учебных заведений.

Крыленко

Николай Васильевич Крыленко (1885–1938) происходил из семьи мелкого революционера 1880-х годов, побывавшего в ссылке. Поступил в Санкт-Петербургский университет, но бросил учебу. В 1904 г. вступил в РСДРП, после чего «его университетами» стали подполье и террор (во время событий 1905–1907 гг. Крыленко состоял членом Военной организации большевиков в Петербурге). Правда, после неудачи революции Крыленко экстерном сдал экзамены за курс университета.

Перед I мировой войной он сотрудничал в большевистских газетах, агитировал рабочих, побывал в эмиграции. В годы I мировой войны огромные потери в офицерском составе вынуждали правительство не особенно разборчиво подходить к комплектованию офицерского корпуса, практически все лица, окончившие гимназии, равные им учебные заведения или выше и годные по состоянию здоровья были призваны в армию и произведены в офицеры. Так на плечах многократно арестовывавшегося за антигосударственную деятельность человека по недоразумению появились офицерские погоны.

Прапорщик 13-го Финляндского стрелкового полка, как и положено верному ленинцу, нелегально, а после февраля 1917 г. – вполне легально ведет среди солдат пораженческую пропаганду; потакая возбужденной пресловутым «приказом № Ъ»¹ солдатской массе, натравливает ее на офицеров. Естественно, что «товарищ Абрам» (Крыленке нравилась именно эта кличка) становится председателем сначала полкового, затем дивизионного, а с 15 апреля и армейского (11-й армии) комитетов. На последней должности он пробыл до конца мая. Его откровенно прогерманская позиция вызвала протест большинства комитета, и он ушел со своего поста.

После июльского восстания большевиков был арестован в Могилеве, но в сентябре отпущен и продолжал свою деятельность по разложению армии. Затем стал одним из организаторов октябрьского переворота в Петрограде.

9 ноября партия назначает его Верховным главнокомандующим (после того как от этого отказался брат ленинского приспешника М. Д. Бонч-Бруевич). Назначение на эту должность прапорщика было знаковым и наглядно демонстрировало, что с русской армией покончено и германские деньги честно отработаны. Действительно, через три дня большевистский Главковерх отдает приказ всем частям прекратить сопротивление и самостоятельно начать переговоры с немцами. Он сам на следующий день начинает такие переговоры, вскоре завершившиеся перемирием. Этот акт национального предательства был естественным завершением поставленной большевиками в 1914 г. задачи добиться поражения России в войне. У русского командования он вызвал шок. Ставка во главе с генералом Н.Н. Духониным отказалась выполнять изменнический приказ, за что под руководством самого Крыленки и была 20 ноября «ликвидирована», а Духонин растерзан прибывшими с Крыленко матросами.

Доложив 24 февраля 1918 г. на заседании ВЦИК о необходимости подписать мир с немцами «на любых «условиях», Крыленко в марте отправляется строить советскую юридическую систему. С 1918 г. он был председателем Верховного трибунала и прокурором РСФСР, с 1931 г. – наркомом юстиции РСФСР, а с 1936 г. – и СССР. Это, конечно, не ВЧК-ГПУ (репрессии по постановлению судебных органов всегда имели в советской системе подчи-

¹ «Приказ № 1» был издан Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (Совдепом) 1 марта 1917 г. Документ предписывал создать в армии и на флоте комитеты из выборных представителей нижних чинов. Воинские части отныне должны были подчиняться Совдепу и своим комитетам. Приказы военной комиссии Государственной Думы следовало исполнять только в тех случаях, когда они не противоречили приказам и постановлениям Совета. Оружие поступало в распоряжение комитетов и не должно было выдаваться офицерам. Отменялось титулование офицеров. «Приказ № 1» повлек за собой дезорганизацию армии, привел к потере боеспособности, вызвал массовое дезертирство солдат с фронта.

ненное значение), но и на таких постах Крыленко проявил себя, отправляя «в штаб Духовина» (это широко вошедшее в обиход выражение обязано своим происхождением, как мы видели, именно Крыленке) максимально возможное число выделенных на долю его ведомства «классовых врагов» и «вредителей».

Летом 1932 г. было принято постановление Совнаркома «Об охране имущества государства», известное в народе как закон «о колосках», по которому за «хищение» госсобственности в любых размерах» (будь то катушка ниток или пучок колосков с колхозного поля) полагался расстрел или 10 лет заключения. Уже на 1 января 1933 г. по нему было осуждено 54 565 чел. – в основном к заключению. Но последнее и не понравилось наркому юстиции. Выступая на январском пленуме ЦК, он нашел вынесение расстрельных приговоров только в 2,1 тыс. случаев недостаточным. «Мало, мало расстреливаем», – жаловался Николай Васильевич.

В трактовке «революционной законности» он не был оригинален, уступая, пожалуй, такому ее «корифею», как П. Стучка. Однако и его речи заслуживают внимания. Едва ли ему приходило в голову, что проповедуемый им подход к правосудию будет применен к нему самому. Но именно это с ним и случилось 29 июля 1938 г. Реабилитирован после смерти Сталина.

В Петербурге есть улица Крыленко.

Лазо

Сергей Георгиевич Лазо (1894–1920) принадлежал к числу тех вполне благополучных молодых людей высшего сословия, которых неудержимо тянуло к переустройству мира. Выходец из дворян Бессарабской губернии, он по окончании Кишиневской гимназии учился в Петербургском технологическом институте и Московском университете, но большую часть времени посвящал деятельности в студенческих нелегальных кружках.

Во время I мировой войны Лазо окончил в Москве военное училище и был произведен в офицеры, а в декабре 1916 г. назначен в 15-й Сибирский запасный стрелковый полк в Красноярске. Здесь он сблизился с политическими ссыльными и вместе с ними стал вести среди солдат пораженческую пропаганду. В марте 1917 г. получил возможность перейти от слов к делу: арестовал губернатора Красноярска и местных высших чиновников. По своим политическим взглядам Лазо был тогда левым эсером-интернационалистом (по тогдашней терминологии, «интернационалист» означало – пораженец) и в этом качестве возглавил солдатскую секцию Красноярского совдепа. Однако быстро сошелся с большевиками и вместе с ними готовил переворот. Создал в Красноярске красногвардейский отряд и в ноябре 1917 г. захватил власть в городе. Стоя на страже «завоеваний революции» в Сибири, Лазо жестоко подавил сопротивление юнкеров в Омске и декабрьское 1917 г. восстание юнкеров, офицеров, казаков и студентов в Иркутске, где стал военным комендантом. Он же был инициатором уничтожения «группы монархистов» в Тобольске (то есть людей, сочувствовавших заключенной там Царской семье), а также подавления антисоветского выступления в Соликамске.

С февраля 1918 г. Лазо командовал Забайкальским фронтом, направленным против казачества, возглавляемого есаулом Г.М. Семеновым. Проводил репрессии против сибирских, иркутских, забайкальских и амурских казаков. Осенью 1918 г., после падения власти большевиков в Сибири, ушел в подполье и занялся организацией партизанского движения, направленного против Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. К лету 1919 г. объединил под своим началом повстанческие группы от Забайкалья до Тихого океана. Эти партизанские отряды терроризировали местное население, разрушали железные дороги, подрывали и обстреливали поезда, убивали офицеров, государственных служащих, рабочих-железнодорожников и старателей на приисках.

С декабря 1919 г. Лазо – начальник Военно-революционного штаба по подготовке восстания в Приморье. В январе 1920 г., когда Красная армия заняла Сибирь, это восстание удалось; во Владивостоке было сформировано «розовое» Временное правительство Приморской областной земской управы, а Лазо стал членом Реввоенсовета и членом Дальбюро ЦК РКП(б). По его инициативе в марте того же года на мосту через реку Хор под Хабаровском красные партизаны учинили расправу над 120 пленными офицерами и солдатами Конно-егерского полка, в ходе которой безоружных людей закалывали штыками, рубили пашками, разбивали им головы прикладами. Весной 1920 г. непосредственно подчиненные Лазо банды Якова Тряпицына и Нины Лебедевой-Кияшко напали на Николаевск-на-Амуре и за несколько недель красного террора истребили тысячи жителей этого города, в том числе практически всю интеллигенцию. В ходе этих операций партизанами был истреблен и японский гарнизон, охранявший японскую миссию. Японцы не могли простить этого: в апреле 1920 г. они арестовали Лазо во Владивостоке, вывезли на станцию Муравьево-Амурская и вместе с двумя другими видными большевиками сожгли в паровозной топке.

Имя этого убийцы носят поселки в Хабаровском и Приморском краях и в Якутии. Еще недавно и в Молдавии был поселок Лазо, но сейчас ему вернули прежнее имя Сынжерей. В Перовском районе Москвы и Красногвардейском районе Петербурга есть улицы Лазо.

Ленин

Владимир Ильич Ленин (настоящая фамилия Ульянов, 1870–1924) повлиял на мировую историю XX века больше, чем какой-либо другой политик. Но влияние это не было к добру. Без Ленина бы не было ни октябрьского переворота, ни 74-летней диктатуры коммунистической партии над Россией, со всеми ее последствиями.

Весной 1917 г. большевики составляли небольшую группу среди множества социалистов разных толков и никаких сверхзадач себе не ставили. Ленин же, еще в январе 1917 г. не предполагавший дожить до революции, узнав в Цюрихе про февральские события, уже 6 марта телеграфирует в Петроград: «Полное недоверие, никакой поддержки новому правительству. Вооружение пролетариата – единственная гарантия [...] Никакого сближения с другими партиями».

Эти три фразы и поставили сверхзадачу: вооруженное свержение Временного правительства и установление однопартийной диктатуры. Проехав легально через воевавшую с Россией Германию и прибыв на Финляндский вокзал Петрограда, Ленин огласил свои «апрельские тезисы» о «втором этапе революции» и прямом переходе к социализму в союзе с мировым пролетариатом. Центральный и петроградский комитеты партии отвергли его тезисы, газета «Правда» снабдила их критическим комментарием. Основоположник марксизма в России Г.В. Плеханов отозвался в газете «Единство» статьей «Почему бред иногда бывает интересен». А меньшевик И.Г. Церетели позже писал: «Теоретическая работа, проделанная марксизмом, [...] научила нас понимать, что революция в России не могла совершить прыжка от полуфеодального строя к социалистическому, и что пределом возможных завоеваний для революции являлась полная демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений».

Ленину же виделась возможность, захватив власть в России, начать мировую революцию. Его первой задачей было – развалить шатающуюся армию, обещая крестьянам в солдатских шинелях немедленный мир и помещичью землю. Мир обернулся отдачей почти трети населения страны под немецкую оккупацию и пятилетней гражданской войной, а крестьяне, увеличив площадь своих земель на 16 %, стали жертвой повального грабежа ленинскими продовольственными отрядами.

Антивоенную пропаганду оплачивало германское правительство, предоставив Ленину в 1917 г. не менее 50 млн золотых марок (25 млн золотых рублей). Направленная на действующую армию и обе столицы, она возымела действие. Выборы в Учредительное собрание в ноябре дали большевикам 46 % голосов в Петрограде и Москве, 40 % в действующей армии, и только 20 % в остальной России. Такие настроения помогли отрядам красногвардейцев и матросов почти без потерь захватить власть в Петрограде, а после недельных боев – в Москве, при бездействии огромного большинства населения и военного гарнизона.

Но Ленину стоило большого труда убедить свою партию в том, что власть вообще захватывать надо. Целый месяц он засыпал органы партии «более чем энергичными» письмами, требуя немедленного восстания. Его фанатичное упорство наконец одержало верх, и нужное ему решение было принято, хотя отнюдь не единодушно.

Власть была захвачена от имени советов. Поэтому другие партии, присутствующие в советах, потребовали создания коалиционного правительства из всех социалистов, а не одних только большевиков, причем – без Ленина и Троцкого. И ЦК большевиков, в отсутствие этих двух, согласился. Гнев вождя, когда он узнал о решении своих товарищей, был беспределен: не для этого он поднимал восстание. Тем не менее и в его присутствии ЦК проголосовал за продолжение переговоров о многопартийном правительстве.

Даже став однопартийным, правительство Ленина все же было подотчетно Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК) съезда советов. И когда Ленин издал декрет о запрете оппозиционной печати, стал вопрос: может ли правительство издавать декреты без согласия ВЦИК? Голоса разделились поровну. Тогда Ленин и Троцкий, будучи членами правительства, сели в ряды депутатов ВЦИК и большинством в два голоса добились нужного им решения. Так уже на 9-й день своего существования советская власть превратилась во власть большевиков.

Брест-Литовский мир тоже висел на волоске: лишь ультимативная угроза отставки дала Ленину 51 % голосов во ВЦИКе.

Ленин следовал учению Маркса о классовой борьбе, но дал ему свое толкование. По Марксу, пролетариат приходит к власти и обобществляет средства производства, когда он оказывается в подавляющем большинстве. По Ленину, он это может сделать и находясь в меньшинстве, создав централизованную боевую партию, свой «авангард». Маркс полагался на «неизбежные законы» истории. У Ленина господствует волевое начало: если история не идет по-предписанному, надо ее заставить.

После февраля 1917 г. Россия была во власти социалистических настроений разного толка, которые владели и Учредительным собранием, разогнанным большевиками. Куда бы в таких условиях пошла страна без Ленина?

Возможно, к некоей форме социалистической демократии, возможно, к хаосу и постепенному преодолению социализма, которое возглавил бы патриотически настроенный генерал. Но очевидно, что без Ленина:

- не было бы однопартийной диктатуры, подавления религии и любого инакомыслия, право не было бы отменено и заменено произволом «революционной целесообразности»;
- не было бы попытки полностью упразднить частную собственность и рынок, а следовательно, и развала народного хозяйства, последующей коллективизации и командно-административной системы;
- не было бы классового террора, попытки опрокинуть социальную пирамиду, превратить «низы» в новый правящий слой, а прежние «верхи» физически истребить;
- не было бы конфронтации с западным миром, длившихся 70 лет попыток осуществления мировой революции в той или иной форме.

Черты созданного Лениным режима характерны и для личности самого вождя.

Он был крайне нетерпим к чужому мнению. Это отражено в площадном стиле его полемики, особенно с социал-демократами, о которых он в 1919 г. писал: «Во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшей капиталистам сволочи». Он ненавидел религию: «Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничание с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая гнусная зараза», – писал он Горькому в 1913 г. Общечеловеческую нравственность Ленин тоже отвергал и на III съезде комсомола в 1920 г. поучал: «Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». Поскольку классовой борьбой руководит партия, то это означало, что нравственно все, что велит делать партия. Соответственно, Ленин отвергал и «буржуазное» право и определял свою «диктатуру пролетариата» так: «Научное понимание диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

В конфликтах с «левыми», военной и рабочей оппозицией, Ленин отстаивал единоначалие в армии и на заводах. В экономической же политике он пошел на поводу у левых экстремистов, которые требовали повальной конфискации предприятий и недвижимости, запрета частной торговли и отмены денег. Рыночные, договорные отношения отменялись под угрозой расстрела. Результатом стал полный развал хозяйства и волна народных восста-

ний, которые и вынудили Ленина в 1921 г. объявить нэп. Но нэп был состоянием неустойчивым, и преемникам Ленина пришлось выбирать: терпеть сползание к «капитализму» или идти путем Сталина.

Сталинская коллективизация проходила вполне в духе Ленина, который еще в 1905 г. писал: «...вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата». В «мелкобуржуазной крестьянской стихии» он видел опаснейшего «тайного врага». Но если Ленин был лишь идейным отцом коллективизации, то отцом красного террора он был прямым. В июне 1918 г. он призывает: «Надо поощрять энергию и массовость террора!» В ноябре подчеркивает: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет». Террор был направлен против «объективно враждебных» социальных групп: духовенства, офицерства, казачества, купечества, интеллигенции. И здесь все средства были хороши. В марте 1922 г., когда под предлогом помощи голодающим Ленин организовал изъятие церковных ценностей для нужд мировой революции, он писал своему Политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления [...] Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше; надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Свидетели передают, что Ленин не раз говорил: «На Россию мне, господа хорошие, наплевать!» В своих статьях и речах он постоянно ссылаясь на слова Маркса: «У пролетариев нет отечества» и убеждал своих сторонников, что для каждого истинного социалиста интересы всемирной пролетарской революции должны стоять выше интересов его «отечества» (в иронических кавычках). Начиная с октября 1917 г. постоянный рефрен его речей: «Наше дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики!» И если верный ленинец Сталин потом строил «великую социалистическую державу», то именно для осуществления этой цели в новых международных условиях.

По советским данным, приведенным Лигой Наций в 1946 г., «избыточная смертность» в России только в ленинские годы 1918–1922 составила 12 миллионов человек. Из смежных данных явствует, что небольшая их доля, около 430 тыс., приходится на боевые потери белых и красных в Гражданской войне. Подавляющее большинство – свыше 9 миллионов человек – погибло от эпидемий и вызванного реквизициями голода. Ленинская политика отбросила страну в средневековье, для которого типичны именно такие причины смерти. Около 2 миллионов погибло от красного террора, за который прямо ответственен Ленин. По следам Ленина загублены были многие десятки миллионов жизней по всему свету, от Кампучии до Эфиопии, и включая Китай, куда компартию принес ленинский III Интернационал. Ленин входит в пятерку величайших убийц XX века, вместе со Сталиным, Мао, Гитлером и Пол-Потом.

Созданное Лениным «государство нового типа» продержалось почти три четверти века – дольше, чем другие революционные режимы. Но «здание с чертами ослиного в себе» рухнуло, как предсказывал В.В. Розанов, «в третьем-четвертом поколении». Его обломки – главная причина наших нынешних нестроений. Так за что нам чтить память Ленина? За то, что вовремя не поняли его сути, не оказали достаточного сопротивления? За то, что слишком многие соблазнились пойти, говоря языком смуты XVII века, в «воровские» люди, и слишком немногие пошли в «земскую» рать?

В 1970-е годы в каждом крупном городе СССР обязательно был Ленинский район и в каждой области город или поселок, так или иначе носящий его имя. Число городов, районов и поселков с именем Ленина достигало тогда в СССР 256. Да и сейчас 26 населенных пунктов РФ и ближнего зарубежья еще носят имя этого человека, а число «ленинских» улиц, площадей и переулков в городах и поселках России не счесть. В Москве его именем названы два главных проспекта (Ленинский и Ленинградский), есть улица Ленинская слобода и даже станция метро «Площадь Ильича». Одна из высочайших гор Азии названа пик Ленина, имя Ленина носит канал и область России (Ленинградская). Улицы и проспекты Ленина есть в пригородах Санкт-Петербурга Колпино, Зеленогорске, Кронштадте и др., в Петродворце, Пушкине, Кронштадте и еще в нескольких населенных пунктах сохранились Ленинградские улицы.

Немало топонимов связаны и с настоящей фамилией красного диктатора – Ульянов. Это и областной город РФ – Ульяновск (ранее Симбирск), и одноименная ему область на Средней Волге, и поселки в Калужской (Плохино), Кашкадарьинской, Кировоградской и Карагандинской областях.

Мария Ульянова

Мария Ильинична Ульянова (партийная кличка – Медведь; 1878–1937) была преданной помощницей своего старшего брата – Ленина. Самостоятельной роли в революционном движении она не сыграла; ее (как и ее брата Дмитрия) имя попало на карты наших городов исключительно благодаря кровному родству с «вождем мирового пролетариата».

Революционной деятельностью Ульянова начала заниматься в 1895 г., поступив после окончания московской гимназии на Высшие женские курсы. В это время она была замечена полицией в связях с нелегальными организациями и распространении антиправительственной литературы. Имея крупные денежные средства, с осени 1898 г. училась в Брюссельском университете. Член РСДРП с 1898 г. В 1899 г. вернулась в Россию, занялась антиправительственной агитацией среди рабочих, помогала поставлять из-за рубежа нелегальную литературу (прежде всего газету «Искра», агентом которой была с 1900 г.). За подпольную работу, которую вела в разных городах России (Нижегород, Москве, Киеве, Саратове, Петербурге), не раз попадала в тюрьму и ссылку. Однако наказание всегда было мягким. Так, по ходатайству матери ссылка в Астраханскую губернию была заменена поселением в Вологде; власти согласились и на то, чтобы Ульянова отправилась туда не по этапу, а самостоятельно, как свободный человек. Вологодский губернатор максимально смягчил ей наказание в обмен на обещание прекратить революционную работу. Выполнять свое обещание Ульянова не стала; она возглавила местных большевиков и установила их связь с рабочими, которых снабжала нелегальной литературой.

С 1903 г. работала в Секретариате ЦК РСДРП. Годы жила в Париже и Женеве, выполняя там поручения Ленина. После октябрьского переворота много лет была членом редакции и ответственным секретарем главного печатного органа большевиков – газеты «Правда». В 1930-е годы занимала разные руководящие посты: входила в Президиум ЦКК ВКП(б) и коллегию НК РКП СССР, заведовала объединенным бюро жалоб НК РКП СССР и РСФСР, была членом бюро Комиссии советского контроля и членом ЦИК СССР. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

В Москве в Ломоносовской управе есть улица Марии Ульяновой.

Матрос Железняк

Анатолий Григорьевич Железняков (1895–1919) превратился в «матроса Железняка» в советских мифах о гражданской войне. Поколение родившихся в 1920-х распевало в школе о том, как «лежит под курганом в высоком бурьяне матрос партизан Железняк».

Железняков родился под Москвой в семье героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и был принят за казенный счет в Лефортовское военно-фельдшерское училище, но вскоре его бросил. Поступал в мореходную школу, но провалился на экзамене и стал кочегаром торгового флота, потом слесарем Бутырского снарядного завода в Москве. В это время он сначала стал анархистом, но потом примкнул к большевикам.

Во время I мировой войны Железняков служил на Балтийском флоте и вел пораженческую пропаганду среди матросов, за что не раз был арестован. В июне 1916 г. дезертировал и под вымышленной фамилией устроился кочегаром торговых судов на Черном море. Весной 1917 г. Временное правительство амнистировало дезертиров царского времени, и Железняков вернулся на Балтийский флот, где активно поддержал действия большевиков против этого правительства. В июне 1917 г. бросал бомбы в казаков и был приговорен к 14 годам каторжных работ за терроризм и покушение на жизнь защитников России. Из тюрьмы бежал в Кронштадт, где был избран в Центробалт – революционный орган моряков Балтийского флота.

«Матрос Железняк» участвовал во взятии Зимнего дворца, в разгроме его ценностей и аресте Временного правительства, а также помогал большевикам захватить власть в Москве в октябре-ноябре 1917 г. Но известность пришла к нему тогда, когда, будучи начальником караула Таврического дворца, он объявил заседавшим там депутатам Учредительного собрания: «Караул устал!»

Далее он был послан на Юг «для борьбы с контрреволюцией»: воевал против Добровольческой армии, участвовал в карательных акциях против донских казаков. Его друг Киквидзе назначил Железнякова командиром полка в своей дивизии.

Буйная натура анархиста давала о себе знать. Во время восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г. Железняков выразил им сочувствие и выступил за уничтожение Совнаркома как органа власти. Затем у него начался конфликт с Подвойским (по вопросу о снабжении полка), который закончился приказом об аресте Железнякова. Благодаря Киквидзе (см. статью о нем) ареста «матрос Железняк» избежал, но в его полку началось брожение, и солдаты разбежались. Вскоре Железняков был обвинен в крушении поезда Подвойского и объявлен вне закона. Он бежал из-под расстрела и с помощью левых эсеров скрылся в Тамбове. Но в октябре 1918 г. попал под амнистию, был назначен командиром 1-й советской конной батареи и сотрудником культурно-просветительского отдела в Елани. В ноябре 1918 г. под фамилией Виктор Железняков был направлен на подпольную работу в Одессу. Там действовал совместно с боевой дружиной Котовского, с которым тесно сблизился. В это время «матрос Железняк» участвовал в террористических актах, в налетах на банки и грабежах местных жителей (за что и назван в советской песне «партизаном»). Когда большевики в апреле 1919 г. заняли Одессу, он стал председателем профсоюза моряков торгового флота.

С мая 1919 г. Железняков командовал сначала бронепоездом, а затем бригадой бронепоездов. По одной версии, смертельно ранен при прорыве из окружения, по другой – убит чекистами выстрелом в спину в рамках кампании по ликвидации командиров-небольшевиков.

В Коптево (Москва) есть бульвар Матроса Железняка, в Петербурге – улица.

Нариманов

Нариман Кербалай Наджаф оглы Нариманов (1870–1925) родился в Тифлисе в семье мелкого торговца. Окончил Горийскую учительскую семинарию, работал учителем в Тифлисской губернии. С 1902 г. учился на медицинском факультете Новороссийского (Одесского) университета. В 1905 г. вступил в организацию «Гуммет», сформированную при Бакинском комитете РСДРП специально для антиправительственной пропаганды среди мусульманского населения Кавказа. Во время революции 1905 г. выступал с подрывными речами, перевел Программу РСДРП на азербайджанский язык. В 1909 г. был арестован и выслан в Астраханский край сроком на 5 лет.

В 1917 г. Нариманов избирают председателем «Гуммета» и членом Бакинского комитета РСДРП(б). Летом 1919 г. он назначен заведующим ближневосточным отделом Наркомата иностранных дел, а потом заместителем наркома по делам национальностей. Наркомом в то время был Сталин; его правой рукой в проведении «ленинской национальной политики» и стал Нариманов. С 1920 г. он возглавил ревком Азербайджана и от имени «Азербайджанской советской независимой республики» заключил союз с правительством советской России. За свою про-московскую позицию наримановский Азербайджан получал щедрую помощь – и дефицитными товарами, и деньгами. Только в апреле 1920 г. Ленин выделил ему из нищей российской казны 200 млн руб. Взамен Нариманов послушно подчинил экономические интересы Азербайджана ленинской политике. В ноябре 1921 г. Азербайджанский госбанк по приказу Нариманова направил 40 млн руб. якобы «голодающим Поволжья и Курдистана», рапортуя при этом о «готовности Азербайджана идти под знаменем Красного Интернационала трудящихся». На самом деле средства, собранные населением для голодающих, поступали главным образом в партийную кассу, а оттуда на поддержку «братских» компартий зарубежных стран.

С 1921 г. Нариманов – председатель Совнаркома Азербайджана, с декабря 1922 г. – один из председателей ЦИК СССР. Был членом Закавказского краевого комитета ВКП(б) и Президиума ЦК КП Азербайджана, кандидатом в члены ЦК РКП.

Нариманов помог Ленину и Сталину превратить советскую Россию в «дойную корову» для «союзных» национальных окраин. Их администрация и население приучались жить за счет помощи «старшего брата».

Партия коммунистов оценила заслуги Нариманова по формированию и реализации основных принципов национальной политики в СССР. В его честь названы города Нариманабад в Азербайджане и Нариманов в Узбекистане, поселок в Астраханской области, улицы в Москве (Богородская управа), Баку, Харькове и других городах, район в Баку, управление «Нариманов-нефть», колхозы, медицинский институт и т. д.

Ногин

Виктор Павлович Ногин (1878–1924) был одним из главных организаторов большевистского переворота в Москве. Выходец из семьи приказчика, он смолоду примкнул к антигосударственному движению и уже в 1898 г. был впервые арестован и выслан в Полтаву, а через два года бежал за границу, присоединившись к ленинской группе. Распространял в России «Искру», а во время смуты 1905–1907 гг. принимал в ней самое активное участие, оставив свой след от Петербурга до Баку. Заслуги его в деле борьбы с законной властью были по достоинству оценены, и на V съезде партии (1907 г.) его ввели в состав ЦК. Продолжая свою подрывную деятельность, он время от времени попадал под арест или в эмиграцию. Ногин весьма гордился тем, что успел побывать почти в пяти десятках тюрем (подолгу, однако, нигде не задерживаясь).

С началом мировой войны ведет пораженческую пропаганду в Саратове, а с 1916 г. – в Московской губернии. После февральских событий 1917 г., получив возможность продолжать свое дело уже легально, выезжает на фронт, призывая солдат обратить штыки против правительства.

Ногин успел поучаствовать в большевистском перевороте в Петрограде и сразу был назначен наркомом торговли и промышленности. Но 26 октября (накануне продиктовав по телефону сообщникам в Москве текст обращения Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК) о совершении «социалистической революции») уже оказывается в Первопрестольной и становится одним из руководителей Московского ВРК. Под его руководством большевики после тяжелых боев свергают законную власть и в Москве. Ногин в полной мере несет ответственность и за последовавшие затем расправы с участниками антибольшевистского сопротивления. Именно Ногин уговорил Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель) отказаться от политической забастовки, чем спас ленинский режим.

В начале ноября Ногин вступил в конфликт с большинством руководства своей партии по вопросу об отношении к левым эсерам. В результате он лишился поста наркома, но через три недели покаялся, «признал ошибки» и продолжал работать на руководящих должностях, но уже более низкого уровня (он был комиссаром труда Московской области, а затем заместителем наркома труда РСФСР).

«Грех» временного неполного согласия с Лениным обошелся Ногину несколько меньшей известностью по сравнению с другими ленинскими соратниками того же ранга, но, с другой стороны, ранняя смерть не позволила ему попасть в число «врагов народа» в 30-х годах, благодаря чему его имя оказалось представлено на картах. В Петербурге есть переулок Ногина. Именем Ногина была названа Варварская площадь в Москве (ныне переименованная в Славянскую), а также город в Московской области – Богородск, продолжающий и по сей день называться Ногинск.

Октябрьская революция

События 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде даже в СССР долгое время именовались «Октябрьским переворотом». Только в 1927 г., в связи с их юбилеем, они получили официальное название «Великая Октябрьская Социалистическая Революция». Переворот, осуществленный петроградской большевицкой военной организацией под руководством Ленина и Троцкого, привел к отстранению Временного правительства (председатель А.Ф. Керенский) и к установлению в России диктатуры коммунистов. Хотя формально правовое положение самого Временного правительства было сомнительным, при нем продолжали действовать российские законы, признавались права собственников и гражданские свободы. А главное, Временное правительство постоянно подчеркивало свой переходный характер. Оно должно было довести страну до Учредительного собрания, которому и предстояло определить систему власти (монархия или республика), форму государственного устройства (унитарное или федеративное), принципы владения собственностью и иные государствообразующие вопросы. До Октябрьской революции правовое продолжение российской государственности оставалось возможным.

Октябрьская революция уничтожила историческую Россию, и большевики приступили к построению на ее пространстве государства «нового типа» – элемента Всемирной Советской Социалистической Республики. В течение одного года они создали невиданную ситуацию:

- упразднили частную собственность на землю, в т. ч. и крестьянскую (25.10.1917);
- отменили все законы Российского государства (22.11.1917);
- конфисковали все банковские вклады (17.12.1917);
- запретили деятельность несоциалистических партий (декабрь 1917);
- ввели новый стиль календаря, новую систему мер и весов, новую орфографию русского языка (февраль, сентябрь и ноябрь 1918);
- лишили Церковь прав юридического лица, отделили государство от религии и запретили преподавание в школе вероучительных дисциплин (февраль 1918);
- запретили продажу и наследование приносящей доход собственности (апрель 1917);
- конфисковали частную промышленность и «социализировали» частный жилой фонд в городах (август 1918);
- объявлением «красного террора» лишили людей права на жизнь (формально с сентября, а фактически с февраля 1918);
- ввели так называемый «военный коммунизм», то есть запретили всякую торговлю и обмен, взамен которых практиковались только конфискации собственности и распределение продуктов (осень 1918);
- ввели полную цензуру печати (октябрь 1918).

Помимо этого большевики разогнали в январе 1918 г. только что собравшееся Учредительное собрание и ликвидировали (вплоть до 1990 г.) институт соревновательных выборов, уничтожив все формы демократии. Они запретили земское и городское самоуправление (январь 1918 г.), уничтожив все формы реального гражданского самоуправления. Убили всех доступных им представителей Императорского Дома Романовых (июль 1918 – январь 1919 гг.), чтобы устранить «опасность» восстановления монархии. Осуществили невиданные гонения на все религиозные организации, фактически запретив веру в Бога. Подписали в марте 1918 г. сепаратный мир с противниками России по I мировой войне. Согласно этому документу передали им территорию с одной третью населения Российской империи (56 млн чел.), а в 1918–1920 гг. вызвали отделение от России (которую они называли РСФСР) Финляндии, Польши, балтийских губерний, Белоруссии, Украины, Бессарабии и Закавказья. Позд-

нее большая часть этих территорий была насильственно объединена в СССР, но это уже была не целостная Россия, а союз «независимых» республик, которые в 1990–1991 гг. не замедлили принять эту независимость всерьез и отделились. Попутно большевики уничтожили всю государственную символику России (флаг, герб, гимн, историческую топонимику, названия государственных учреждений и постов), чем разорвали культурно-историческое преемство. Были ликвидированы не только названия. Большевики осуществили «слом старой государственной машины», которая была заменена новой – тоталитарной.

В 1917 г. большевикам удалось привлечь на свою сторону часть населения страны. Это было сделано путем как непосредственного принуждения (взятие семей в заложники), так и косвенного (лишение возможности зарабатывать на жизнь иначе, кроме как работая на новую власть); с помощью демагогических обещаний земли, мира, благополучия, свободы, а также обращения к самым низменным инстинктам – алчности, зависти, трусости. Но ни одного из своих обещаний они не выполнили, да и не собирались выполнять. Крестьяне вместо земли в личную собственность получили «второе крепостное право» (так в народе расшифровывалась аббревиатура ВКП(б) в колхозах и совхозах. Рабочие вместо возможности контролировать распределение продукции производства (которое, как альтернатива товарно-денежным отношениям, само по себе порочно) получили драконовские законы, каравшие смертью или лагерем любую мелкую провинность, даже опоздание на работу. Вместо свободы народ получил кровавую деспотию, подавлявшую всякую инициативу и миллионами уничтожавшую российских граждан. Вместо мира народ получил перманентную «классовую» войну внутри страны и оказался вынужден вести перманентную же подготовку к войне «ради победы социализма во всем мире».

Последствия Октябрьской революции, разрушившей российское общество и государство, ощущаются до сего дня.

Октябрьская революция привела:

- к гибели десятков миллионов людей (от репрессий, голода и войн погибли около 60 млн граждан);
- к развалу Российского государства;
- к духовному и физическому вырождению народов России;
- к утрате российской нацией способности к политической, гражданской и хозяйственной самоорганизации;
- к забвению отечественной истории и культуры, утрате бесценных научных и художественных сокровищ, к деградации интеллектуальных сил нации.

Даже те достижения, которые обычно ставят в заслугу Октябрьской революции (всеобщая грамотность, равноправие народов, уничтожение социального неравенства, превращение СССР в мировую «сверхдержаву»), на поверку были или фикцией (социальное равенство, равноправие народов), или шли к осуществлению и без Октябрьской революции (всеобщая грамотность, индустриализация), или достигались ценой насилия и неправды, породивших у других народов ненависть к СССР, отчасти доставшуюся в наследство и России («сверхдержава»). В результате

Октябрьской революции большевицкая диктатура постепенно распространилась на десятки стран. Советская власть активно содействовала установлению тоталитарных режимов в Китае, Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Восточной Европе, материально обеспечивала существование многочисленных революционных (по сути – террористических) организаций и родственных коммунистической политической партий. Все это позволяет считать Октябрьскую революцию событием действительно всемирно-исторического значения. Но значение ее – разлагающее и деструктивное. Октябрьская революция – самый трагический и постыдный эпизод отечественной истории, имевший катастрофические последствия и для России, и для всего человечества.

С Октябрьской революцией связаны разнообразные топонимические формы: «Октябрьский», «25 октября», «7 ноября», «Революционный». Ряд топонимов посвящен годовщинам: «Улица имени десятилетия (двадцатилетия) Октября» и т. п.

Орджоникидзе

Григорий Константинович Орджоникидзе (партийные клички – Николай, Серго; 1886–1937) родился в Кутаисской губернии, в дворянской семье. Уже в Тифлисском фельдшерском училище он вошел в социал-демократический кружок, а через год, в семнадцатилетнем возрасте, вступил в РСДРП (1903 г.). Орджоникидзе – один из организаторов и главных исполнителей наиболее жестоких и кровопролитных «экспроприаций». Вел подпольную деятельность в Западной Грузии, Абхазии, Баку, настраивая народы Кавказа против российского правительства, за что неоднократно отправлялся в тюрьму и ссылку. Однако мягкие меры, которые императорское правительство применяло к революционерам (зачастую – грабителям и убийцам), не останавливали преступников. Орджоникидзе эмигрировал, стал слушателем партийной школы в Лонжюмо. Партия оценила его заслуги, избрав членом ЦК РСДРП.

После февраля 1917 г. Орджоникидзе работал «по созданию «революционной власти» в Якутии, дезорганизуя огромный край. В июне 1917 г. он уже член Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б). Орджоникидзе обеспечивал связь партии с Лениным, скрывавшимся в Разливе, участвовал в подготовке и проведении октябрьского переворота.

В годы гражданской войны занимал ряд высоких постов: временного чрезвычайного комиссара района Украины, а затем Юга России; члена

Реввоенсовета 16-й и 14-й армий и Кавказского фронта; председателя Совета обороны Северного Кавказа; председателя Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе; руководителя кавказского Бюро ЦК РКП(б). Ревностно выполняя задания партии, Орджоникидзе снискал себе кровавую славу. С его санкции были уничтожены тысячи людей, признанных «антисоветским элементом»: не только офицеров, но и коммерсантов, промышленников, представителей иных интеллектуальных профессий. В январе 1918 г. Орджоникидзе принял «беспощадные революционные меры» к железнодорожникам, обвинив их в саботаже хлебных перевозок. На Кубани Орджоникидзе изымал у без того ограбленных крестьян «излишки» хлеба для Петрограда. На Северном Кавказе он сыграл главную роль в геноциде терского казачества: натравливал на него ингушей и чеченцев, которым взамен обещал передать исконно казачьи земли (что после Гражданской войны и было исполнено). Последствия этого до сих пор обостряют ситуацию в Чечне.

В начале 1920-х годов Орджоникидзе обеспечил насильственное установление советской власти в Грузии, Азербайджане и Армении. Занимал посты первого секретаря Закавказского крайкома партии, первого секретаря Северо-Кавказского крайкома и одновременно – члена Реввоенсовета СССР. В феврале 1922 г. (т. е. уже в «мирное» время) Ленин потребовал от Орджоникидзе «во что бы то ни стало и немедленно развить и усилить грузинскую Красную армию» для удержания грузин в повиновении. В том же году, «урегулирую» вопрос об «автономизации» Грузии, «товарищ Серго», по выражению Ленина, «зарвался до физического насилия», хотя в данном случае речь шла не о репрессиях, а о рукоприкладстве в кругу товарищей по партии (конфликт с Мдивани и Махарадзе).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.